

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Департамент лингвистики

Кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации
на иностранных языках

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой _____ М. Ю. Илюшкина

« ____ » _____ 2023 г.

**Тактики дискредитации политических
деятелей в дискурсе французских медиа
(на примере публикаций в журнале
«Charlie Hebdo»)**

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Руководитель, д.ф.н., доц.

Рецензент, к.ф.н., доц.

Нормоконтролер, к.ф.н., доц.

Студент гр. УГИМ-210025

Ю. В. Богоявленская

М. В. Плотникова

В. И. Бортников

Д. А. Макарова

Екатеринбург
2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические аспекты исследования стратегии и тактик дискредитации в политическом медиадискурсе	7
1.1. Понятие дискурса в современной лингвистике. Политический медиадискурс как гибридная форма дискурса	7
1.2. Особенности речевого воздействия в аспекте речевых стратегий ..	17
1.3. Подходы к изучению стратегии и тактик дискредитации в политическом медиадискурсе.....	24
1.4. Журнал «Charlie Hebdo» как типичный образец французской сатирической прессы	34
Выводы по главе 1	36
Глава 2. Тактики дискредитации и способы их реализации в политическом медиадискурсе (на материале публикаций в журнале «Charlie Hebdo»)	37
2.1. Универсальные дискредитирующие тактические схемы	37
2.2. Прямые тактики дискредитации.....	73
2.3. Косвенные дискредитирующие тактики	99
Выводы по главе 2	113
Заключение	115
Список использованной литературы.....	117

Введение

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется появлением большого количества гибридных дисциплин, а также расширением своего предмета изучения. В условиях постоянно меняющегося мира политическая повестка вызывает повышенный общественный интерес и неустанно освещается в СМИ, что позволяет говорить о возникновении на стыке политической лингвистики и медиалингвистики самостоятельного направления – политической медиалингвистики. В связи с этим в фокусе отечественных и мировых специалистов оказывается особый тип дискурса – дискурс медиаполитический, который на данном этапе нуждается в более внимательном изучении.

Являясь важнейшей информационной и агитационной площадкой, средства массовой информации зачастую выступают в роли транслятора тех или иных идеологических установок и ценностей и способствуют порождению и интенсификации политической борьбы [Монне 2017: 246]. В данных условиях на передний план выходят коммуникативные стратегии и тактики языка как важнейшие инструменты идеологического воздействия, манипуляции и дискредитации.

Объектом данного исследования являются текстовые фрагменты аналитических статей и комментариев, опубликованных во французском журнале «Charlie Hebdo», в которых реализуются тактические схемы дискредитации.

Предметом исследования являются способы реализации тактик дискредитации политических деятелей, применяемые в журнале «Charlie Hebdo» как типичном представителе французской сатирической прессы.

Цель данного исследования заключается в изучении коммуникативных тактических схем и способов их реализации, используемых для дискредитации политических деятелей в журнале «Charlie Hebdo».

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующего ряда исследовательских **задач**:

1) раскрыть феномен политического медиадискурса как гибридного типа дискурса;

2) изучить существующие в лингвистике подходы к исследованию стратегии и тактик дискредитации и способы их реализации;

3) выявить основные тактики дискредитации политических деятелей, применяемые в журнале «Charlie Hebdo»;

4) уточнить существующую типологию тактик дискредитации;

5) определить, с помощью каких языковых средств реализуются те или иные тактики и тактические схемы дискредитации в журнале «Charlie Hebdo».

Материалом исследования послужили 156 текстовых фрагментов, извлечённых из 112 статей, опубликованных в электронных версиях и на официальном сайте французского журнала политической сатиры «Charlie Hebdo» в период с конца 2021 г. по апрель 2023 г. Использование именно этого ресурса в качестве эмпирической базы исследования вызвано тем, что публикации журнала отличаются своей нонконформистской и дискредитирующей направленностью и нередко приобретают прецедентный характер, становясь предметом обсуждения французской и мировой общественности.

Актуальность данного исследования обусловлена вниманием к тактикам дискредитации, применяемым во французском политическом медиадискурсе. Несмотря на то, что дискурс средств массовой информации часто оказывается в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей, он ещё в недостаточной степени изучен с точки зрения коммуникативных тактик и приёмов и нуждается в дальнейшем уточнении на материале французского языка.

В рамках данной работы большую значимость имеют медиаполитические и медиадискурсивные исследования последних лет таких

отечественных лингвистов, как Ю. В. Богоявленская [2021], С. А. Виноградова [2010], Т. М. Грушевская [2002], Т. Г. Добросклонская [2020], Э. Н. Егорова [2015], О. С. Иссерс [2008], А. В. Карякин [2009], Н. А. Кузьмина [2011], В. В. Лабутина [2019], Т. Н. Лобанова [2016, 2019], М. А. Рясина [2013], С. А. Сметанина [2002], Г. Я. Солганик [2010], З. С. Хабекирова [2011] и др. В качестве теоретической базы для нашего исследования также послужили основополагающие научные труды Н. Б. Руженцевой, в частности, «Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе» [2004] и «Методология и методика анализа массмедийного политического текста» [2018].

При анализе эмпирического материала исследования мы опирались на типологию дискредитирующих тактик, предложенную Н. Б. Руженцевой. Данная классификация включает: универсальные тактики, прямые тактики эмоционального воздействия, прямые социально ориентированные тактики, прямые тактики, ориентированные на изменение представлений адресата о мире (перепрограммирование) и косвенные тактики [Руженцева 2004: 25]. Каждая из представленных тактик может подразделяться ещё на ряд конкретных тактических схем и ходов, которые нуждаются в более подробном изучении.

В процессе написания работы мы прибегнули к использованию следующих общенаучных и лингвистических **методов**: анализ, синтез, индукция, дедукция, систематизация, классификация, аргументация, метод количественной обработки данных, дискурсивный анализ, описательный метод с применением контекстного наблюдения, а также компонентного, дефиниционного, семантического и лексико-стилистического анализа.

Новизна работы состоит в уточнении и дополнении существующей классификации тактик, предложенной Н. Б. Руженцевой [2004]. Классификация уточнена и расширена тактиками дискредитации, характерными для журнала «Charlie Hebdo», в частности, доказательной тактикой обличения лжи и сопоставительной тактикой, строящейся по схеме

«Один стоит другого». Доказано, что в медиаполитическом дискурсе тактические схемы часто переплетаются и образуют гибридные формы реализации.

Промежуточные результаты исследования были **апробированы** 10 февраля 2023 г. в рамках XI международной конференции молодых учёных «Актуальные вопросы перевода, лингвистики, истории, литературы и фольклора» на базе Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина.

Теоретическая значимость исследования состоит в рассмотрении подходов к интерпретации феномена политического медиадискурса и систематизации существующих в лингвистике взглядов на типологию коммуникативных стратегий, тактических схем и ходов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в преподавании таких вузовских дисциплин как «Межкультурная коммуникация», «Страноведение», «Лингвострановедение», «Стилистика французского языка», «Дискурсология», «Практический курс иностранного (французского) языка» и др. Материалы и выводы исследования могут оказаться полезными в практике дискурсивного анализа, исследованиях медиаполитического дискурса, в журналистике.

Структура работы. Данная магистерская диссертация состоит из введения, первой главы, второй главы, выводов по главам, заключения и списка использованной литературы.

Глава 1. Теоретические аспекты исследования стратегии и тактик дискредитации в политическом медиадискурсе

1.1. Понятие дискурса в современной лингвистике.

Политический медиадискурс как гибридная форма дискурса

Исследование текста и его компонентов – одно из самых популярных направлений научных исследований последних лет. Несмотря на то, что лингвистика текста как раздел общего языкознания в последние годы продолжает стремительно развиваться, многие категории текста ещё не получили достаточного освещения. В связи с этим в поле зрения учёных всё чаще оказывается понятие «дискурс», которое постоянно расширяется и вызывает повышенный интерес.

Важно отметить, что в современной научно-исследовательской среде «дискурс» представляет собой междисциплинарный термин, входящий в поле зрения таких гуманитарных и общественных наук, как философия, психология, политология, литературоведение, лингвистика. В связи с этим довольно затруднительно дать точное определение данному явлению, которое бы наиболее полно отражало его многоаспектность.

Само слово «дискурс» происходит от французского *discours* ('речь', 'выступление'), которое, в свою очередь, восходит к латинскому слову *discursus* ('рассуждение', 'довод'). На разных этапах становления лингвистической науки трактовка данного понятия значительно изменялась и по-новому осмыслялась. Если ещё в 1950–1970-е гг. под «дискурсом» понимали непосредственно «текст» как связанную последовательность предложений или речевых актов [Harris 1952: 23], то с точки зрения современной лингвистики дискурс представляет собой более сложное коммуникативное явление. Так, помимо самого текста как единицы языка и речи, понятие «дискурс» вбирает в себя такие экстралингвистические

факторы, как знания адресата о мире, его мнения, установки и цели, необходимые для понимания текста и его интерпретации.

Впервые понятия «текст» и «дискурс» разграничил французский лингвист Э. Бенвенист – специалист по индоевропеистике и лексико-грамматической семантике, охарактеризовав дискурс как «речь, присваемую говорящим» [Бенвенист 2002]. В современной лингвистике данные понятия сопоставляются как общее (дискурс) и частное (текст), динамичное (дискурс) и статичное (текст) [Саттаров 2020: 27]. Текст рассматривается как фрагмент дискурса [Чернявская 2013: 115] и не может быть приравнен к нему.

В лингвистическом энциклопедическом словаре «дискурс» определяется как связный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, обращённый к ментальным процессам коммуникантов [Ярцева 2002: 136–137]. По мнению Н. Д. Арутюновой, дискурс – это «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 137]. Т. М. Грушевская делает акцент на процессуальном характере дискурса, связанном с созданием речевого произведения в виде текста [Грушевская 2002].

По мнению голландского лингвиста Т. А. ван Дейка, выдающегося исследователя дискурсивной проблематики, дискурс не является лишь изолированной текстовой или диалогической структурой, а представляет собой сложное коммуникативное явление, которое включает в себя социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения [ван Дейк 2000: 113]. Французская школа дискурсивного анализа, во многом перекликаясь с воззрениями ван Дейка, рассматривает дискурс с точки зрения ситуативного контекста – совокупности экстралингвистических факторов (исторических, социально-культурных, идеологических), а также в аспекте коммуникативно-

прагматических и когнитивных установок автора при построении сообщения, которые определяют выбор тех или иных языковых единиц в тексте [Серио 1999: 9].

Таким образом, приняв во внимание различные точки зрения представителей отечественной и западноевропейской лингвистической традиции, дискурс можно определить как сложное коммуникативное явление, при рассмотрении которого особое внимание следует акцентировать на факторе взаимодействия отправителя и получателя сообщения и экстралингвистической контекстуальности.

Поскольку понятие «дискурс» пронизывает всё многообразие сфер человеческой деятельности и речевой коммуникации, абсолютно закономерным можно считать выделение таких специфических типов дискурса, как дискурс политический, юридический, педагогический, медицинский, медийный и др., а также более частные разграничения внутри этих типов и их комбинации [Перельгут 2013: 35]. В связи с этим возникает вопрос о проведении границ между различными типами дискурсов, который в настоящее время остаётся открытым.

Таким смежным и потому неоднозначным явлением, в свою очередь, оказывается политический медиадискурс, который объединяет в себе черты как политического, так и медийного дискурса. Важно отметить, что на данном этапе он ещё не достаточно изучен, что подтверждает отсутствие устоявшейся трактовки и наименования данного понятия (политический дискурс СМИ, масс-медийный политический дискурс, медиаполитический дискурс, политический медиадискурс). М. А. Рясина интерпретирует политический медиа-дискурс как комбинированную форму существования дискурсивной практики на стыке политического и медийного дискурсов в результате гибридизации социально-коммуникативных признаков [Рясина 2013]. Н. М. Перельгут рассматривает данный тип дискурса как разновидность политического дискурса и именуется его как «масс-медийный (медийный) политический дискурс», к которому относит всё многообразие

текстов политической тематики, которые создаются журналистами и распространяются посредством различных каналов СМИ [Перельгут 2013: 38].

С. Н. Плотникова и С. А. Домышева определяют данный тип дискурса как «дискурс реагирования», который представляет собой реакцию на дискурс политика [Плотникова 2005: 23], противопоставляется ему и, соответственно, носит неинституциональный характер [Домышева 2007: 41]. В связи с этим политический дискурс СМИ приобретает следующие отличительные черты: ориентация на массовую аудиторию, национально-культурная специфика, идеологичность [Ресутова 2019: 36].

В политическом медиадискурсе схема речевого взаимодействия характеризуется наличием сразу трёх субъектов коммуникации, где СМИ (медийная личность) выступают в качестве промежуточного звена между адресантом (политиком) и адресатом (обществом) [Гуныкова 2020: 115]. Наряду с государством и общественностью, масс-медийные каналы становятся главными «актёрами» в рамках политической коммуникации [Никулина 2017: 64]. Журналист как представитель СМИ становится своего рода «рассказчиком» о политиках и политике в целом, формируя общественное мнение [Мариупольский 2016: 73] и конструируя реальность [Шейгал 2012: 130].

Определяя границы политического дискурса и дискурса СМИ, С. А. Виноградова приходит к выводу, что они обладают рядом схожих черт и пересекаются в области своего применения. Выступления политиков (политический дискурс), показанные по телевизору или перепечатанные в рамках газетной аналитики и авторских колонок (дискурс масс-медиа), можно по праву считать политическим дискурсом СМИ [Виноградова 2010: 46]. Способность СМИ влиять на общественное и индивидуальное сознание нередко интерпретируется как эффективное орудие власти. И несмотря на то, что отношения между политической и медийной сферой можно назвать

противоречивыми, они скорее склонны учитывать общие интересы и выстраивать взаимовыгодный диалог [Ровинская 2010: 177].

Наиболее оптимальным с точки зрения предпринимаемого исследования можно считать подход М. Йоргенсен и Л. Филлипс, скандинавских специалистов по дискурс-анализу, которые сходятся во мнении, что первичность одного типа дискурса по отношению к другому определяется исключительно целями и материальной базой того или иного исследования [Йоргенсен 2008: 232–235]. В связи с этим считаем необходимым в первую очередь рассмотреть политический медиадискурс в аспекте медиадискурсивных исследований.

В современном мире тексты средств массовой информации являются основной формой существования языка. Ключевым в рамках медиалингвистики является понятие медиадискурса, которое Т. Г. Добросклонская трактует как совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия [Добросклонская 2020: 110]. Наряду с медиадискурсом, к базовым категориям медиалингвистики традиционно относят понятие «медiateкст» как многослойную обособленную коммуникационную структуру [Засурский 2008: 10] и различные аспекты медиаречи [Казак 2014: 6]. Остановимся подробнее на наиболее значимых аспектах становления и функционирования языка СМИ.

Начнём с того, что специфика анализа текстов массовой коммуникации как особого типа дискурса затрагивается ещё в труде «Язык. Познание. Коммуникация» выдающегося нидерландского лингвиста Т. А. ван Дейка, специалиста по теории текста, теории речевых актов и дискурсивному анализу. Подход, предлагаемый ван Дейком, заключается в том, что при анализе массмедийного текста необходимо в первую очередь ориентироваться на изучение самой сути процесса массовой коммуникации, то есть на изучение самих речевых сообщений.

Наряду с этим, важно учитывать особенности структурной организации таких текстов, в частности, отношения связности между предложениями, общую тематическую и схематическую организацию высказывания, а также ряд других стилистических и риторических параметров [ван Дейк 2000: 111–112]. Таким образом, более глобальное понимание контекстуальной перспективы как самого дискурса, так и его восприятия здесь выходит на первый план.

Как отмечает ван Дейк, дискурс СМИ должен опираться на общедоступные факты и суждения о тех событиях, которые предполагают организацию знаний в форме так называемых «сценариев». Сценарии, в свою очередь, позволяют сводить воедино последовательности предложений (пропозиции). Из этого следует, что связность массмедийного сообщения может быть достигнута только в том случае, если в нашем сознании уже содержится соответствующий сценарий или социологическая установка [ван Дейк 2000: 128].

В разные годы свой вклад в изучение вопросов порождения и функционирования медиаречи внесли отечественные и зарубежные исследователи различных лингвистических школ и направлений: Р. Фаулер, Т. А. ван Дейк, А. Белл, С. И. Бернштейн, В. Г. Костомаров, Д. Н. Шмелёв, И. П. Лысакова, Т. Г. Добросклонская и др.

На современном этапе под языком средств массовой информации понимают всё множество текстов, производимых и распространяемых СМИ, для которых характерен набор определенных лингвостилистических свойств и признаков [Добросклонская 2012: 15]. Данный язык развивается в медиатекстах, обладает прагматической направленностью и способен отражать изменения в культуре, идеологии и мировосприятии [Перепелица 2013: 171].

По мнению С. И. Сметаниной, специфика современного языка СМИ определяется собственными экстралингвистическими факторами, влияющими на отбор речевых средств и их организацию (предназначенность

для широкой аудитории, периодичность, оперативность создания и потребления текста), а также собственно лингвистическими факторами, которые формируют информационную и воздействующую сторону высказывания [Сметанина 2002: 45]. Схожей точки зрения придерживается и Т. Г. Добросклонская, вкладывая в понятие «медиадискурс» культурообусловленные аспекты передачи и декодирования сообщения, а также социально-исторический и политический контекст [Добросклонская 2005: 23].

Структурная организация текста во многом определяет условия производства и восприятия массмедийного сообщения. Общим правилом построения, в частности, новостных текстов является представление самой важной информации в самом начале сообщения. Структурирование по принципу релевантности, таким образом, затрагивает не только порядок предложений в абзацах, но и порядок слов в этих предложениях, пронизывая текст на всех уровнях.

Наряду с этим, выделяют и ряд других специальных действий, ориентированных на придание тексту большей убедительности. К ним относятся, в частности, приёмы фонологического (ассонанс, рифма), синтаксического (параллелизмы, повторы) и семантического уровня (сравнение, метафора, гипербола и литота) [Аристова 2021: 105]. Важным приёмом является также метафорическое использование лексики особых видов сценариев, например, употребление слов, первоначально характерных для военных действий: наступление, оборона и т. д. Такие структуры позволяют представить информацию более компактно и способствуют созданию эффекта контраста, тем самым усиливая воздействие на читателя [Добросклонская 2005: 133]. Таким образом, при анализе медийного дискурса на передний план выходит выявление значений, передаваемых имплицитно.

Из этого следует, что выполнению основных функций СМИ способствует принцип чередования стандартных (немаркированных) и

экспрессивных элементов текстов, содержащих авторскую оценку событий. Такая модель распределения сегментов текста и конструирования медийного дискурса в целом позволяет говорить о глобальной речерегулирующей функции языка СМИ, который способствует (часто опосредованно) формированию у медиа пользователей тех или иных предпочтений в области речепользования [Добросклонская 2020: 16].

В связи с этим исследования последних лет всё чаще направлены на выявление специфики конкретных подязыков средств массовой информации, к которым относят язык прессы, язык теле- и радиовещания, а также язык социальных медиа, функционирующий в Интернете. Так, в центре внимания исследователей оказываются различные типы медиатекстов, характерные для тех или иных языков СМИ, в частности, публикации, новостные и рекламные тексты и др.

Всю совокупность медиатекстов принято разделять на три основные группы: медиатексты *первого порядка*, создаваемые и распространяемые представителями официальных СМИ; медиатексты *второго порядка*, создаваемые и распространяемые индивидуальными пользователями от СМИ (в том числе, блогерами); медиатексты *третьего порядка*, к которым относят индивидуальный контент пользователей социальных сетей, варьирующийся в зависимости от медиаплатформы (видеоролики и шортсы на Youtube, истории во Вконтакте, короткие сообщения (твиты) в Twitter и др.) [Добросклонская 2020: 42].

В связи с особенностями устройства современного медиaprостранства границы между описанными выше тремя группами текстов нередко стираются: медиатексты первого порядка зачастую находят широкий отклик в комментариях блогеров в социальных сетях. И наоборот, материалы, изначально опубликованные в интернет-блогах, могут представлять интерес со стороны официальных СМИ и приобретать большую актуальность.

Выделяют также 4 основные категории медийных текстов: *новости*, *информационная аналитика*, *публицистика (features)* и *реклама* [там же: 45].

Каждый из описанных типов медийного дискурса имеет ряд специфических свойств и характерных лингвостилистических и синтаксических особенностей. Главным образом, данные типы текстов различаются по первоначально заложенным функциям и по степени непосредственного воздействия на адресата. Учитывая специфику предпринимаемого исследования, остановимся более подробно на втором типе медийных текстов.

Тексты аналитического характера, в отличие от новостного дискурса, выполняют не столько информационную функцию, концентрируясь на череде актуальных событий, сколько интерпретационную. Авторы аналитических текстов не придерживаются чётких правил использования лексики и построения фраз и предложений, расширяя уже имеющийся арсенал языковых и оценочных средств [Солганик 2010: 21]. Важно отметить, что именно «образ автора», в частности, в газетной коммуникации, определяет жанровую специфику и композиционное построение текстового материала. Выбор тех или иных языковых средств, в свою очередь, наиболее явно проявляется на лексико-синтаксическом уровне [Поздеева 2011: 146].

Функциональными средствами языка, в частности, идиоматическими выражениями и характерными фразами-клише, задаётся эмоционально-оценочный тон сообщения. Важное место здесь также занимает приём аллюзии, представленный как в виде прямой ссылки, так и в форме парафраза. Данный приём позволяет обращаться к общеизвестным культурным и историческим референсам для выражения определённых идеологических установок и создания полноты сообщения. К другим эффективным приёмам создания экспрессивности также относят использование метафор, сравнений, идеологически модальной, оценочной и культурно-специфической лексики [Добросклонская 2020: 75].

Говоря об особенностях масс-медийных текстов, важно также отметить, что лингвокультурный фактор оказывает значительное влияние на формирование устойчивых тематических структур (медиа-топиков),

освещаемых в СМИ. В результате наложения информационной картины мира на языковую форму сообщения происходит выбор наиболее актуальных медиатопиков, в которых отражаются национально-культурные особенности той или иной страны. Традиционно к ним относят политику, культуру, бизнес, спорт, новости международного, внутригосударственного и регионального масштаба [Добросклонская 2020: 38].

В настоящее время средства массовой информации не только представляют собой пространство, внутри которого разворачиваются речевые действия исключительно информативного и развлекательного характера, но и выступают в качестве масштабной площадки для выстраивания диалога между политическими элитами и электоратом и, напротив, столкновения разнонаправленных политических интересов и идеологий [Хабекирова 2011: 139]. В таких условиях следует говорить о медиатизации политики: СМИ становятся важным элементом политического управления [Ресутова 2019: 35], являются основной средой существования текстов политической тематики [Руженцева 2018: 5] и выступают в качестве посредника-медиатора многоканальной коммуникации [Кузьмина 2011: 6], вовлекая в данный процесс всё новые сообщества людей.

Изучение дискурса СМИ даёт представление о политических силах, которые выстраивают и будут выстраивать в будущем политические процессы в государстве [Лобанова 2019: 45]. Транслируя тексты политического общения, журналисты закладывают в них новые смыслы, обслуживая интересы тех или иных политических сил [Сулина 2014: 220]. Как показывает многолетняя практика, публикуемые в СМИ материалы нередко приобретают прецедентный характер и способны оказывать влияние на формирование индивидуального и общественного сознания, а также на поведение людей [Харламова 2012: 42]. Именно политический медиадискурс показывает высокий уровень концентрации механизмов речевого воздействия, манипуляции и дискредитации [Лобанова 2016: 8] и способен формировать как истинные, так и ложные представления о политических

процессах у массового адресата [Лисюткина 2021: 4]. В этой связи, считаем целесообразным рассмотреть основные способы речевого воздействия в аспекте существующих стратегий языка.

1.2. Особенности речевого воздействия в аспекте речевых стратегий

Прежде чем перейти к рассмотрению особенностей и механизмов речевого воздействия, а также аспектов стратегической направленности речи, необходимо уточнить основные предпосылки, которые вызвали повышенный научный интерес к данному вопросу. Стоит отметить, что в фокусе лингвистических исследований последнего столетия неизменно находятся особенности взаимодействия языка и мышления, которые до сих пор весьма далеки от окончательного разрешения.

Так, объяснение сущности процесса коммуникации, конкретных механизмов речевого воздействия, а также самих процессов генерирования и понимания текстов невозможно без обращения к мыслительным процессам, происходящим в сознании коммуникантов [Иссерс 2008: 17]. Свойственное человеческому мышлению обобщение полученного в процессе жизнедеятельности опыта и сведение его к определённом стандарту приводит к необходимости в ритуализации речевого поведения. Формирование речевых стереотипов и клише позволяет спрогнозировать, каким образом себя могут повести участники коммуникации в определённых ситуациях общения, а также реализовать при помощи соответствующих речевых действий стратегический замысел [там же: 18–19].

Наряду с этим, в ходе анализа речевого поведения исследователь часто сталкивается с тем, что план содержания того или иного высказывания характеризуется неоднородностью, когда некоторые элементы его когнитивной структуры представлены имплицитно. Данная особенность организации плана содержания лежит в основе, в частности, эффекта

манипуляции – одного из основных элементов интенционального речевого воздействия [Карасик 1992] как в рекламном, политическом и медийном дискурсе, так и в обыденной речи [Иссерс 2008: 19].

Бесспорно, речевое общение является неотъемлемой частью социальной природы человека, в ходе которого его участники реализуют собственные коммуникативные намерения и цели, определённым образом воздействуя друг на друга. Речевое воздействие в отличие от неречевого использует в качестве главного инструмента всё многообразие средств языка и способно как урегулировать отношения, так и возвеличивать, дискредитировать, воздействовать на принятие тех или иных решений [Иссерс 2009: 9].

По мнению Л. Л. Федоровой, **речевое воздействие** представляет собой однонаправленное речевое действие (а точнее, является основной его составляющей), в ходе которого оказывается социальное воздействие со стороны говорящего на адресата [Федорова 1991: 46]. В данном случае речевое воздействие рассматривается не с точки зрения результата этого воздействия, а в аспекте самого коммуникативного намерения говорящего, выраженного в его речи.

О. С. Иссерс характеризует речевое воздействие как «общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности» и позволяющее коммуникантам осуществлять их неречевые цели [Иссерс 2008: 21]. Целевая установка говорящего (субъекта общения), в свою очередь, оказывает влияние на ход коммуникации и на последовательное принятие решений партнёром. Этим определяется неравноправность участников коммуникации, когда один находится в зависимости от другого и выступает в качестве объекта речевого воздействия. Такой тип дискурса носит название персуазивного и противопоставляется обычному разговору, основной целью которого не является убеждение и изменение представлений партнёра о мире [Lakoff 1982: 28].

По мнению И. А. Стернина, речевое воздействие предполагает некоторое воздействие одного человека на другого или на группу людей с целью принятия своей точки зрения, которое становится возможным за счёт самой речи и совокупности невербальных (несловесных) средств [Стернин 2001: 51]. В связи с этим в ходе выстраивания коммуникативной стратегии задача адресанта состоит в прогнозировании реакции адресата на то или иное речевое или неречевое действие и сопоставлении этих реакций со своими интенциями [Калинин 2009].

Таким образом, содержательная сторона диалога определяется коммуникативными целями инициатора диалога. Именно он выбирает стратегию, в ходе осуществления которой реализуются конкретные речевоздействующие цели участников диалога в виде более частных коммуникативных тактик. Инициатор общения склонен придерживаться одной из трёх основных стратегий: *противодействия*, *содействия* или *подчинения цели*. При этом осознанное воздействие на адресата через приобщение его к собственной картине мира не рассматривается как некоторая манипуляция или пропаганда, поскольку опирается на механизмы критического мышления [Сухих 2020: 62].

Г. Г. Почепцов рассматривает речевое воздействие в перлокутивном аспекте и анализирует следующие реакции адресата:

- 1) изменение отношения к какому-либо объекту, изменение коннотативного значения объекта для субъекта (выражается в призывах, лозунгах, рекламе);
- 2) формирование общего эмоционального настроения (лирика, гипноз, политическое воззвание);
- 3) перестройка категориальной структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий [Почепцов 1987: 129].

Несмотря на наиболее ярко выраженные способы воздействия на собеседника, характерные для той или иной реакции, большинство речевых действий сочетает в себе целый комплекс перлокутивных реакций:

эмоциональный настрой, изменение когнитивных значений, коррекция категориальной структуры.

Важным для нашего исследования также оказывается то, что коммуникативная лингвистика рассматривает речевое воздействие с точки зрения выбора наиболее эффективных приёмов и ресурсов в рамках определённой стратегии. Поэтому задачей лингвистов является изучение стратегий языка, их коммуникативной эффективности и специфики их функционирования [Иссерс 2009: 23].

Согласно Ч. Ларсону, всё многообразие способов воздействия сводится к двум основным когнитивным стратегиям. Первая из них – стратегия интенсификации, когда недостатки «чужих» выносятся на передний план («игра на понижение») и преувеличиваются в противовес собственным достоинствам («игра на повышение») [Larson 1995: 15]. Усилению этого эффекта способствуют гиперболизация, использование повторов, графических средств. Второй в данной классификации является стратегия приуменьшения, при которой свои недостатки и достоинства «чужих» при помощи специальных приёмов намеренно скрываются и не доносятся в полной мере до адресата [Иссерс 2009: 55].

По мнению Р. Фаулера, выбор тех или иных речевых средств (слов и словосочетаний) всегда мотивирован и имеет своё идеологическое значение [Fowler 1991]. Из множества доступных лингвистических форм говорящий в каждом конкретном случае выбирает наиболее подходящую и убедительную.

Ю. В. Левин в своей работе «О семиотике искажения истины» выделил ряд приёмов (преобразований), направленных на интерпретацию ситуации или проблемы и способствующих изменению модели мира реципиента. К ним он отнёс *аннулирующее* преобразование (к примеру, умолчание, полуправда), *фингирующее* преобразование (включение новых, изначально отсутствующих предметов или событий), *идентифицирующее* (размытие ситуации в результате замены некоторых предметов или событий более обобщёнными) и *моделирующее* преобразование (например, некорректное

указание на источник сообщения, часто, когда в нём нет никакой необходимости) [Левин 1998]. Особое значение в формировании в сознании адресата определённой картины мира имеют упрощение (аннулирующее преобразование) и усложнение (фингирующее преобразование). Для политического медиадискурса особенно характерна стратегия редукционизма (в типологии Левина – аннулирующее преобразование, упрощение), которая может подразделяться на ряд более частных стратегий:

1. Создание образа светлого или тёмного прошлого, настоящего или будущего;

2. Построение образа социума по принципу «свой – чужой», которое имеет уходящие глубоко в историю социокультурные предпосылки. По данному принципу строится характерная для политического дискурса когнитивная категория «свой круг», которая строится на дихотомическом противопоставлении «своих» и «чужих»;

3. Исключение некоторых факторов или участников из моделируемой ситуации;

4. Осмысление при помощи метафоры сложной ситуации через простую [Иссерс 2009: 60].

Одной из разновидностей редукционизма также является приём «подтасовки карт», когда тенденциозно преподносятся и акцентируются только положительные или отрицательные факты при одновременном замалчивании противоположных. Наряду с вышеперечисленными приёмами и стратегиями интерпретации, речевое воздействие осуществляется при помощи различных приёмов скрытого воздействия.

Процесс коммуникации представляет собой своего рода «взаимообмен моделями мира» между говорящим и слушающим, интеграцию знаний одного в мир другого. А. Н. Баранов назвал это явление *онтологизацией знаний* [Баранов 1990]. В процессе общения передача знаний может происходить как имплицитно (невербализованная информация), так и эксплицитно (вербализованная информация).

Особый интерес с точки зрения лингвистики представляет собой информация, передаваемая имплицитно, то есть приёмами неявного введения знания. Они, в свою очередь, могут отличаться по степени манипулятивного воздействия. Так, к основным приёмам имплицитного воздействия на адреса относят:

– использование слов и словосочетаний, содержащих семантические пресуппозиции (слова-операторы, слово *нет*, частица *не*, префикс *без*, отрицательные местоимения и др.);

– введение имплицитной информации при помощи вопросительных конструкций;

– приём выстраивания ложной аналогии, одним из компонентов которого является использование абсурдных утверждений;

– опровержение скрытого тезиса, когда адресат самостоятельно должен сначала восстановить, а затем опровергнуть заданную в высказывании пресуппозицию;

– апелляция к авторитету и фонду общих знаний, когда аргументация строится при помощи таких вводных конструкций, как «всем известно, что...», «по мнению специалистов...», «ни для кого не секрет...». При этом, конкретные имена и события, на которые ссылаются авторы таких манипулятивных высказываний, как правило, не указываются;

– прагматические пресуппозиции, содержащие неявную отсылку на общеизвестные феномены [Иссерс 2009: 76].

Лексический потенциал языка определяет выбор способов речевого воздействия в зависимости от конкретной ситуации общения. С точки зрения медийного дискурса, использование идеологически нагруженной лексики мотивируется направленностью дискредитирующего намерения, поэтому происходит разделение лексических единиц на категории «свои» и «чужие» [Иссерс 2008: 43]. Приём стилистического контраста, а также иронического возвеличивания и принижения используется в качестве эффективного лексического средства при реализации стратегии дискредитации.

Высказывание, содержащее стилистически окрашенную лексику, приобретает саркастическую окраску и выражает ироническое отношение к предмету речи.

Типичным для языка СМИ, в частности, при создании заголовков аналитических статей и новостей, является приём трансформации фразеологизмов. Наряду с этим, в политическом и медийном дискурсе широко используется и такие средства усиления речевого воздействия, как паронимия или паронимия [Иссерс 2009: 125]. В соответствии с коммуникативными намерениями говорящего, для усиления речевого воздействия могут использоваться грамматические ресурсы языка. Чаще всего это связано с нарушением устоявшихся языковых норм и расширением существующих парадигм литературного языка. Так, слова могут приобретать не свойственные им грамматические категории, такие как падеж, степени сравнения и превосходности [там же: 130–135].

Окказиональные грамматические образования также часто являются результатом нарушения норм грамматической сочетаемости, главная цель которых – сделать акцент на актуальном для говорящего и адресата смысле. Согласно классификации О. С. Иссерс, реализации данной цели способствуют следующие лексические, грамматические и синтаксические приемы и категории:

– грамматический контраст (столкновение противопоставленных грамматических форм в пределах одного высказывания, например, форм единственного и множественного числа, переходного глагола с непереходным, оппозиции видовременных форм);

– категория залога (исходной считается активная форма залога, а пассивная используется для выражения дополнительных смыслов), а также окказиональная переходность более широкого спектра глаголов;

– переход относительных местоимений в качественные и образование от них степеней сравнения;

– окказиональное словообразование или словообразовательная игра, позволяющая представить объект в неожиданном, выгодном для говорящего ракурсе. Полученные при помощи данного приема новые слова всегда понятны, поскольку содержат отсылку к узуальным словам, от которых они были образованы;

– создание контраста структуры слова за счёт ресурсов аффиксации;

– изменение порядка слов в предложении (инверсия), позволяющее выделить актуальные для говорящего компоненты сообщения;

– парцелляция;

– сочинительные конструкции с синтаксическим неравенством элементов, когда нарушаются нормы единства тематической однородности [Иссерс 2009: 46].

Таким образом, современный медийный и медиаполитический дискурс вбирает в себя традиционные инструменты манипулятивного воздействия, которые позволяют имплицитно, при помощи специфических стратегий и тактик, оказывать влияние на большую аудиторию и формировать реальность под определенным углом зрения. Исходя из поставленных задач данного исследования, далее определим место стратегии и тактик дискредитации в иерархии существующих стратегий языка.

1.3. Подходы к изучению стратегии и тактик дискредитации в политическом медиадискурсе

Выделение стратегической и тактической стороны речи не представляет собой явление, свойственное исключительно современному этапу развития лингвистической науки. Ещё в начале 1980-х гг. сложились предпосылки, необходимые для идентификации этого аспекта языка как ключевого понятия коммуникации. Поскольку ситуации, в которых поставленные коммуникативные цели достигаются посредством однократного обращения к партнёру по общению, представляют собой,

скорее, редкое исключение, особое внимание отводится изучению вариативности языковых способов решения глобальной коммуникативной задачи.

Важно отметить, что речевое общение мало прогнозируемо и нередко непредсказуемо, поскольку участников коммуникации всегда как минимум двое, и каждый из них намеревается решить собственные коммуникативные задачи, придерживаясь определённых ходов и модифицируя их в зависимости от ситуации общения и конкретных действий партнёра. Всё многообразие возможных тактических схем и ходов, способных меняться в процессе коммуникации, всегда подчинено единой стратегии или сверхзадаче [Иссерс 2009: 177].

И несмотря на то, что в идеале каждый из коммуникантов в процессе интеракции стремится придерживаться принципов кооперации, реальные ситуации общения редко складываются таким образом, когда собеседники не оказывают воздействие друг на друга и не стремятся повернуть разговор в нужную им сторону [Грайс 1985: 41]. Р. М. Блакар считает, что выразиться нейтрально невозможно в принципе, и любой разговор, в том числе неформальный, всегда предполагает определенное воздействие одного из коммуникантов на восприятие мира другим [Блакар 1987: 91]. В связи с этим стратегия и тактики речевого поведения представляют собой огромный интерес для современной лингвистики.

Понятия «стратегия» и «тактика» изначально никак не связаны с областью общего языкознания и характерны для военного дела. В толковом словаре С. И. Ожегова первостепенными считаются следующие определения понятия «стратегия»: 1. Наука о ведении войны, искусство ведения войны. 2. Общий план ведения войны, боевых операций [Ожегов 2003: 772]. Слово «тактика» же трактуется в словаре следующим образом: «составная часть военного искусства – теория и практика подготовки и ведения боя» [там же: 788]. В рамках лингвистической науки стратегия, так или иначе, представляет собой некоторую заранее спланированную последовательность

действий, способную при благоприятном для говорящего стечении коммуникации привести к желаемому результату.

По мнению О. С. Иссерс, **речевая стратегия** представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [Иссерс 2009: 182]. Это когнитивный план общения, при помощи которого достигаются коммуникативные задачи говорящего. Иными словами, не имея заранее достаточной информации о действиях партнёра по общению, говорящий при планировании диалога придерживается определённых прагматичных шагов, которые впоследствии реализует в своей речи. Несмотря на это, конкретный исход коммуникации не может быть спрогнозирован со стопроцентной вероятностью, поэтому об успешности речевой стратегии можно судить только по результатам общения, достигнутым либо экспериментальным, либо естественным путём [Баранов, Добровольский 1997].

Коммуникативная стратегия, по мнению И. Н. Борисовой, представляет собой способ организации речевого поведения, который определяется замыслом и практическими целями говорящего [Борисова 1999: 83]. Она реализуется по схеме, состоящей из четырёх компонентов, к которым относятся действительность, автор, текст и адресат. По мнению А. П. Чудинова, под коммуникативной стратегией и тактикой понимается обобщённое речевое планирование в виде отбора определённых способов и приёмов, направленных на корректировку политических взглядов адресата [Чудинов 2006: 76].

Цель говорящего, в свою очередь, предопределяет, какая речевая стратегия будет использована в той или иной ситуации общения и какие факты будут отобраны для воздействия на эмоциональную и интеллектуальную сферу адресата [Борисова 1999: 83]. В реальности коммуникативных целей может быть несколько, и от того, сколько из них в конечном итоге будут достигнуты, будет зависеть весь успех коммуникации. Нарушение последовательности коммуникативных ходов глобальной

стратегии или отдельно взятой тактики ведёт к коммуникативной неудаче [Иссерс 2009: 191].

Безусловно, стратегии и тактики речевого поведения обладают национально-культурными особенностями, что так же может сказываться на результате коммуникации. Некоторые характерные для определенной страны социокультурные контексты, затрагиваемые в речи собеседника, могут быть интерпретированы некорректно и вызвать затруднения в общении между представителями разных культур.

Итак, выбор той или иной стратегии определяется стремлением говорящего добиться определённого результата. С точки зрения цели коммуникация рассматривается в аспекте общей стратегии, а с точки зрения достижения этой цели – в аспекте конкретной тактики [Иссерс 2008: 9]. Достижение цели коммуникации нередко сопровождается отрицательными социальными эффектами, в числе которых разрыв доверительных отношений, потеря доверия, общественное порицание и эмоциональный дискомфорт.

Важным параметром при анализе речевых стратегий является иерархия целей говорящего, а именно их долгосрочность (свойство речевых стратегий) или «эпизодичность» (свойство подконтрольных глобальной стратегии речевых актов: тактик и коммуникативных ходов). В соответствии с данным критерием выделяют стратегии *кооперативные* (одобрение, утешение, уговоры) и *конфронтационные*, к которым относится дискредитация [Иссерс 2008: 71]. В зависимости от глобальности намерения принято разграничивать *частные* (обращение с просьбой, стремление утешить) и *общие* стратегии (установление и подтверждение статуса) [там же: 106].

Типы речевых стратегий разделяются также на *основные*, к которым относят *семантические* (когнитивные) стратегии (в частности, стратегии дискредитации и подчинения) и *вспомогательные*. Второй тип стратегий, в свою очередь, включает в себя *прагматические* (построение имиджа, формирование эмоционального настроения), *диалогические* (контроль над темой,

инициативой) и *риторические* (привлечение внимания) стратегии [там же: 108]. Несмотря на всё многообразие существующих классификаций речевых стратегий, большинству из них ввиду специфики объекта изучения свойственны некоторая условность и умозрительный характер. Нередко можно встретить такие речевые действия, которые сложно отнести к конкретной категории, поэтому любая типология стратегий определяется, в первую очередь, конкретной ситуацией и сферой коммуникации [Габидуллина 2009].

В процессе реализации общей речевой стратегии в зависимости от иллюкативной силы высказывания могут применяться действия более частного характера, к которым относятся тактики и коммуникативные (тактические) ходы. В настоящее время вычленение стратегий и тактик и их разграничение представляет собой основную проблему в рамках дискурсивных исследований [Лабутина 2019: 145].

Под **речевой тактикой** традиционно принято понимать определённый порядок речевых действий, которые способствуют осуществлению коммуникативной цели [Арсланова 2009: 18] и главной стратегии и связаны с ней родовидовыми отношениями. И. Н. Борисова придерживается схожей позиции, акцентируя внимание на динамическом характере речевых умений, определяющих тактику общения [Борисова 1996: 24]. По мнению О. С. Иссерс, весь арсенал тактик, лежащий в основе той или иной стратегии, является важнейшим практическим инструментом говорящего [Иссерс 2008: 111]. Наряду с этим, тактики варьируются в зависимости от культурных особенностей, в то время как стратегии обладают относительной универсальностью.

Коммуникативные ходы, в свою очередь, лежат в основе тактических приёмов и представляют собой набор наиболее типичных речевых операций. Под **коммуникативным ходом** Т. А. ван Дейк понимает подконтрольную общей стратегии последовательность действий, вносящих вклад в реализацию единой сверхзадачи [ван Дейк 1989: 274]. Коммуникативные

ходы позволяют корректировать речевое поведение и контекстуально адаптировать его. Они могут отличаться по степени успешности, поэтому говорящий склонен в случае необходимости менять направление диалога посредством отказа от нежелательных и подключения наиболее уместных альтернативных ходов.

Весь спектр речевых стратегий и приёмов их реализации находит отражение в частных ситуациях общения, характерных для той или иной сферы жизнедеятельности человека. Исходя из цели и задач нашего исследования, далее предлагаем более детально рассмотреть **стратегию и тактики дискредитации** и охарактеризовать наиболее частотную область их функционирования – политический и медиаполитический дискурс.

Современный театр политических действий, неотъемлемой частью которого являются столкновение непримиримых интересов, конкурентная борьба, идеологическое воздействие на выбор избирателей, неизменно и довольно развёрнуто освещается и интерпретируется СМИ, занимая передние полосы печатных изданий и интернет-порталов, а также эфирное время теле- и радиопередач [Руженцева 2004: 14]. В таких условиях медиа пространство становится важнейшим и крупнейшим каналом осуществления политической коммуникации. Автор политического текста осуществляет воздействие через интеллектуальную и эмоциональную сферу адресата и пытается не «доказать» правоту своей точки зрения, а прежде всего «убедить» и «уверить» объекта своего воздействия [Гловинская 2000: 57–60].

В общем смысле под **дискредитацией** понимается речевое поведение одного из коммуникантов, содержащее отрицательную оценку другого и направленное на подрыв доверия к нему окружающих [Лисихина 2008: 219]. Говорящий, используя весь имеющийся в его арсенале лексико-грамматический, синтаксический и стилистический потенциал языка, стремится представить оппонента в невыгодном свете, умалить его достоинства и авторитет. Таким образом, дискредитация как форма речевого поведения сама по себе противоречит базовым принципам кооперации,

поскольку адресант прибегает к деструктивным методам реализации своих целей. Несмотря на это, установленные в обществе правила вежливости способны корректировать речевой выбор говорящего [Сивораक्षा 2007: 453].

Стратегия дискредитации, по мнению М. А. Рясиной, направлена на негативную презентацию другого и достигается за счёт приведения мнений и аргументов [Рясиная 2013]. Положительные характеристики личности обычно опускаются, отрицательные выносятся на передний план и эксплуатируются согласно целям автора медиаполитического текста. Данный тип стратегии, наряду со стратегией саморекламы, относят к коммуникативным действиям с заранее манипулятивной импликацией [Анкудинова 2007: 23], нацеленным на массовое сознание. В связи с этим принято разграничивать объект дискредитации, к которому относят одного или несколько коммуникантов по дебатам, и объект воздействия, в роли которого выступает аудитория [Ширяева 2016: 181].

Таким образом, стратегия дискредитации и тактические схемы её реализации, используемые в политических текстах СМИ, играют роль трансляторов мнений и направлены на программирование сознания адресатов (читателей, теле- и радиослушателей) [Руженцева 2004: 14]. Нередко политический и медиаполитический дискурс наполнен речевыми действиями, содержащими как прямую дискредитацию, проявляющуюся в оскорбительных высказываниях и открытом унижении, так и косвенную, заложенную в скрытых приёмах речевого воздействия.

Следует отметить, что стратегия и тактики дискредитации часто рассматриваются сквозь призму феномена *речевой агрессии*. Немаловажным здесь становится лингвопсихологический подход, при котором агрессия понимается как исконно психологическое явление, находящее своё выражение в языке; а также лингвоэтический подход, который рассматривает речевые средства языка с точки зрения этичности и неэтичности их употребления в том или ином лингвистическом или экстралингвистическом контексте [Карякин 2009: 162]. Речевая агрессия рассматривается как форма

речевого воздействия, реализующаяся в таких речевых действиях, как дискредитация (словесное оскорбление), диффамация, дискриминация [Егорова 2015: 70].

Нередко авторы медиаполитических текстов прибегают к таким приёмам, которые способны искусственно усиливать дискредитацию того или иного политика и вызывать определённую реакцию у читателей [Руженцева 2004: 21]. По мнению О. С. Иссерс, реализации стратегии дискредитации способствует *тактика оскорбления и издёвки*, главная цель которой – оскорбительно высмеять и унизить политического деятеля. Также могут применяться коммуникативные ходы нанесения обиды, издёвки и оскорбления, в частности, прямое и косвенное оскорбление, развенчание притязаний и навешивание ярлыков [Иссерс 2008: 166].

Прямое оскорбление содержит негативную характеристику личности оппонента и реализуется либо эксплицитно (через оценочные высказывания и номинацию), либо имплицитно (через намёк). Среди средств, способствующих осуществлению данного коммуникативного хода имплицитно, можно выделить использование экспрессивно-оценочной лексики, а также столкновение лексических единиц различной стилистической окраски.

При реализации стратегии дискредитации широкое применение имеют стилистические приёмы и выразительные средства языка, позволяющие косвенно и «деликатно» воздействовать на адресата благодаря заложенному в них скрытому «оскорбительному» потенциалу (*косвенное оскорбление*). В целях дискредитации особенно употребимы развёрнутые метафорические модели, в которых политическая жизнь осмысливается как *театр* (политики – актёры, а их профессиональная деятельность – театр), *криминальная сфера* (политики – шпана, надсмотрщики, фраера, «крёстные отцы») или *ирреальный мир* (политики приобретают роль сверхъестественных и фантастических существ, таких как дьяволы, черти, зомби, шаманы, падшие ангелы) [Иссерс 2009: 49].

Наряду с этим, широко используются зооморфные метафорические модели, когда политическая жизнь ассоциируется с миром животных страстей, часто жестоким и лишённым моральных установок. Особой продуктивностью так же обладает приём исторической и литературной аллюзии [Иссерс 2008: 172], обращение к различным прецедентным феноменам [Бутахина 2012: 8].

Коммуникативный ход *развенчания притязаний* предполагает употребление в ироничном или оскорбительно-уничижительном ключе лексических единиц, не соответствующих данной коммуникативной ситуации. Приём *навешивания ярлыков*, в свою очередь, заключается в переходе на личности, когда за основу берутся частные детали и подробности о дискредитируемом объекте. Для данного коммуникативного хода свойственно использование таких семантических средства языка, как преувеличение, преуменьшение, переход имён собственных в нарицательные и паронимическая аттракция, которые закладываются в основу того или иного ярлыка [там же: 173–175].

Рассматривая стратегию дискредитации и способы её реализации (конкретные тактические схемы) в текстах СМИ, Н. Б. Руженцева акцентирует внимание на факторе двойного адресата, когда дискредитация направлена не только на само дискредитируемое лицо, но также и на массового читателя прессы. В такой системе отношений сам читатель не является непосредственным объектом дискредитации, а становится партнёром по общению автора текста [Руженцева 2004: 22].

Исходя из этого, Н. Б. Руженцева выделяет *прямые* и *косвенные тактики дискредитации*, а также приходит к более подробной классификации самых распространённых дискредитирующих тактик, в основу которой закладывает апеллятивное основание:

1. Универсальные тактики:

– сопоставительные тактики: *поляризация*, основанная на противопоставлении социальных групп, создании противоположных образов,

приписывании резко положительных или отрицательных свойств; *сопоставление*, которое реализуется не только средствами прямого или отрицательного сравнения, но так же и такими продуктивными способами, как сопоставление в форме определения, использование «зацепок», вызывание негативных ассоциаций и др.; *ссылка на дискредитируемое или дискредитировавшее себя лицо*, построенная по принципу аналогии;

- превращение нейтральных контекстов в дискредитирующие;
- доказательное умаление авторитета и др.

2. Прямые тактики эмоционального воздействия, к которым относятся тактика бездоказательного умаления авторитета, агрессии на оппонента, создания образа врага и защитника, создания образа «тёмного настоящего (прошлого, будущего)», утрирование, демаскировка и т. д.

3. Прямые социально ориентированные тактики, в частности, создание антиимиджевого образа, тактика обманутого ожидания, тактика «все воруют», «этикетные» тактики (могут выражаться как в прямом, так и в косвенном виде).

4. Прямые тактики перепрограммирования, ориентированные на изменение представлений адресата о мире: отрицание прежних реалий, негативное прогнозирование, создание образов «убийцы», «похорон».

5. Косвенные тактики: выхватывание «фактиков», самокомпрометация, дискредитирующий намёк, переакцентирование, тактика приглашения к совместному разговору, «зацепка» за прецедентный текст и др. [Руженцева 2004: 25].

Стратегия дискредитация в политических и медийных текстах редко реализуется в рамках одной конкретной тактики и представляет с собой переплетение целого репертуара тактик и частных тактических схем и ходов, отличающихся по способу выдвижения информации [там же: 36]. В то же время, всегда можно выделить доминирующую тактику или коммуникативный ход, которому подчиняются все остальные [Богоявленская 2021: 7].

1.4. Журнал «Charlie Hebdo» как типичный образец французской сатирической прессы

Особое место в системе французских СМИ традиционно занимает сатирическая пресса, которую по праву можно считать неотъемлемой частью национальной культуры. Она берёт своё начало в период Великой французской революции и сразу же становится своего рода манифестацией демократических свобод и ценностей, обозначенных в Декларации прав человека и гражданина в 1789 г. Основная цель сатирических публикаций заключается в том, чтобы представить намеренно искажённую, несколько преувеличенную картину реальности, разоблачающую недостатки и пороки общества и, в большей степени, власть имущих.

Являясь важнейшим средством передачи актуальной информации и транслятором разнонаправленных идеологических воззрений, французская сатирическая пресса отличается ярко выраженной самобытностью и способна оказывать значительное воздействие как на массовое общественное сознание, так и на деятельность государственных структур. В связи с этим она чаще всего приобретает политическую направленность и используется как инструмент идеологической пропаганды. Юмор, ирония и сарказм становятся, в свою очередь, основным орудием не столько насмешки, сколько осуждения, критики и дискредитации политических деятелей.

Воплощением современной французской политической сатиры, наряду с изданиями «Le Canard enchaîné» и «Siné Mensuel», по праву считается еженедельник «Charlie Hebdo», составивший материальную базу данного исследования. Первый номер издания увидел свет ещё в 1970-е гг. и с тех пор пользуется большой популярностью не только во Франции, но и в других странах мира. Сегодня журнал представлен в двух форматах – печатном и электронном. Наряду с этим, эксклюзивные материалы также периодически размещаются на официальном сайте издания, charliehebdo.fr, и публикуются с пометкой «EXCLU WEB».

Дискурс журнала характеризуется наличием как длинных статей с журналисткой аналитикой актуальных новостей и других насущных вопросов, так и регулярными рубриками («Le crétinier de la semaine», «En direct de la France», «Le monde en roue libre» и др.), в которых содержится короткий комментарий к высказываниям известных личностей, чаще всего политиков. Наряду с этим, журнал славится своими неоднозначными иллюстрациями и карикатурами на политических, общественных и культурных деятелей, попадающих в глобальное информационное пространство. Публикации журнала нередко вызывают противоречивую реакцию и становятся причиной многочисленных споров, но, тем не менее, активно цитируются местными и мировыми СМИ.

Тематический спектр журнала охватывает такие сферы общественной жизни современного человека, как политика, экономика, наука, религия, экология. Несмотря на то, что публикуемые в журнале материалы в большей степени носят политический характер, они нередко отражают глубинные социально-экономические проблемы в стране: продовольственный кризис, безработицу, снижение финансирования, инфляцию, коррупцию и т. д.

Авторы статей регулярно прибегают к чёрному юмору, пренебрегая морально-этическими и лингвистическими нормами [Аристова 2019: 7]. Нередко авторами сатирических текстов применяется не только эмоционально окрашенная, но также инвективная и откровенно бранная лексика. Сатирическая направленность журнала зачастую выходит за пределы внутригосударственных отношений и переключается на события международного масштаба, что придаёт журналу глобальный характер.

Несмотря на то, что обсуждения вокруг публикаций «Charlie Hebdo» нисколько не утихают, а количество прямых угроз и судебных исков ежегодно только растёт, заданный более 50 лет назад курс журнала остаётся неизменным, а сам он является своего рода символом свободы слова и самовыражения.

Выводы по главе 1

В теоретической главе данного исследования мы рассмотрели феномен дискурса, охарактеризовали его как многоаспектное коммуникативное явление. Мы определили место политического медиадискурса как гибридного типа дискурса в контексте современных медиадискурсивных исследований. Мы также установили, что свойства политического дискурса являются вторичными по отношению к аспектам медиадискурса, поскольку тексты данного порядка существуют в рамках средств массовой информации и подчиняются свойственным им структурным и содержательным канонам.

Мы пришли к выводу, что происходящие в обществе изменения определяют дискурсивные особенности языка СМИ как транслятора не только актуальной информации, но и взглядов, ценностей и убеждений отдельных категорий людей. В связи с этим нами были рассмотрены основные аспекты речевого воздействия в фокусе речевых стратегий языка и описаны важнейшие лексические, грамматические и синтаксические приёмы и способы выражения дискредитирующего намерения.

Мы изучили всё многообразие коммуникативных стратегий языка и определили, какое место занимают тактики дискредитации в иерархии существующих речевых действий. Мы выяснили, какое значение исследователи вкладывают в само понятие «дискредитация» в рамках коммуникативных стратегий языка. Мы также рассмотрели основные классификации тактик дискредитации и избрали подход Н. Б. Руженцевой в качестве методологической базы данного исследования.

Мы выявили основные характеристики французской сатирической прессы на примере журнала «Charlie Hebdo» и пришли к выводу, что данный ресурс является типичной площадкой для разворачивания современного политического медиадискурса и представляет собой ценную материальную базу для изучения тактик дискредитации.

Глава 2. Тактики дискредитации и способы их реализации в политическом медиадискурсе (на материале публикаций в журнале «Charlie Hebdo»)

2.1. Универсальные дискредитирующие тактические схемы

В ходе исследования нами было выявлено 50 случаев употребления универсальных дискредитирующих тактических схем, среди которых можно выделить следующие разновидности: доказательное умаление авторитета, тактика поляризации, сопоставительная тактика, тактика превращения нейтральных контекстов в дискредитирующие, дискредитирующее описание, тактика ссылки на дискредитировавшее себя лицо и стилизация.

Как показало данное исследование, наибольшей продуктивностью обладает такая универсальная дискредитирующая тактика, как доказательное умаление авторитета (16 случаев употребления). Как правило, она развивается в рамках большого текстового фрагмента, строится по стандартной схеме (тезис – доказательства – вывод) и реализуется посредством таких средств языка, как метафора, эпитет, гипербола, риторический вопрос, риторическое восклицание, а также за счёт употребления разговорной, эмоционально окрашенной лексики и большого количества отрицательных конструкций. Нередко доказательная тактика сопровождается рядом других суплементарных тактик, усиливающих дискредитирующее намерение автора: тактикой дискредитирующего побуждения, разоблачения, создания образа «тёмного будущего», ссылки на дискредитировавшее себя лицо, поляризации и др.

В качестве примера имплементации данной тактики в журнале «Charlie Hebdo» рассмотрим фрагмент статьи, посвящённой критике французского правительства в связи с иррациональностью распределения бюджетных средств. Название статьи содержит основной тезис,

представленный в вопросоответной форме – «*Isoler les bâtiments? Plutôt crever*» («Утеплить здания? Лучше сдохнуть»), который транслирует, в понимании автора, позицию чиновников по отношению к обновлению французских зданий. Уже в самом заголовке содержится разговорное слово *crever* со значением ‘сдохнуть’, которое намекает на наплевательское отношение, с которым Эммануэль Макрон относится к проблемным отраслям экономики и, соответственно, к самим французским гражданам.

Главный аргумент журналиста – правительство Макрона не видит острой необходимости в выделении какого-либо финансирования на нужды реконструкции жилых помещений и, более того, иронизирует на эту тему, что вызывает искреннее непонимание и беспокойство: «*Mais je suis inquiet de voir que Macron et ses poteaux critiquent des dépenses en faveur de l'isolation des logements sans être la risée de la presse*» («Но меня беспокоит то, что Макрон и его дружбаны критикуют расходы на утепление жилья, не становясь посмешищем прессы»). Разговорное слово *poteaux* (‘дружбаны’, ‘кореша’) в рамках общего контекста «растрачивания бюджетных средств не на общественные нужды» позволяет развить метафорический образ «криминального мира», во главе которого – сам президент. Наряду с этим, отсутствие должной огласки данной проблемы средствами массовой информации, по мнению автора, только усугубляет ситуацию.

Неутешительный вывод, к которому постепенно приходит журналист, начинается с риторического вопроса «*Que faire face à cette ... mauvaise foi?*» («Как бороться с этой ... недобросовестностью?») и продолжается категоричным ответом «*Je ne sais plus*» («Я больше не знаю»), в котором отрицательная структура высказывания усиливается при помощи наречия *plus*. Используемые автором лексические и грамматические возможности языка выражают полную безысходность и резюмируют критическое положение дел. Далее автор использует пейоратив, называя президента «клоуном», который только делает вид, что заботится о реальных проблемах в стране: «*Mais c'est plus facile de faire le clown – triste – à la télé que de*

résoudre les problèmes. Car depuis cinq ans qu'il est au pouvoir, Emmanuel Macron aura accompli ce qui est à mes yeux l'un de ses plus grands exploits: ne pas rénover les bâtiments en France» («Но проще быть грустным клоуном в телике, чем решать проблемы. Потому что за пять лет своего пребывания у власти Эммануэль Макрон совершил то, что, на мой взгляд, является одним из его величайших подвигов – не реконструировал здания во Франции»). Автор также прибегает к сарказму, называя свою главную претензию к президенту, по сути сделавшую его мишенью дискредитации, «величайшим подвигом» (*«l'un de ses plus grands exploits»*). Усилить негативный эмоциональный эффект позволяет конечная фраза, построенная в форме лозунга и используемая в ироничном ключе: *«Vive le génie français!»* («Да здравствует французский гений!»).

Реализацию **тактики доказательного умаления авторитета** совместно с рядом других тактик также можно проследить на примере статьи Жака Литтоэра, опубликованной на сайте издания. В данном случае дискредитация направлена на бывшего министра труда и действующего премьер-министра Франции – Элизабет Борн. В заголовке статьи *«Élisabeth Borne et le déficit imaginaire de l'assurance-chômage»* («Элизабет Борн и мнимый дефицит страхования по безработице») закладывается установка-тезис («ситуация с дефицитом страхования – мнимая, вымышленная, безосновательная»), который аргументируется автором на протяжении всего текста статьи.

Перед основной частью статьи приводится цитата Элизабет Борн, в которой обосновывается необходимость принятия реформы системы страхования от безработицы в рамках борьбы с краткосрочным трудоустройством. Данное высказывание предвосхищает комментарий журналиста, в котором в гиперболизированной форме осуждается выбранный правительством вектор решения проблемы: *«Alors que des millions de gens tueraient père et mère pour décrocher un boulot au Smic, la ministre du Travail s'attaque à la priorité des priorités: le déficit de l'assurance-*

chômage» («В то время как миллионы людей убили бы отца и мать, чтобы заполучить работу с минимальным прожиточным минимумом, министр труда решает первоочередную задачу: дефицит страхования по безработице»). Представить ситуацию в негативном ключе позволяют глагол *tuer* ('убивать'), употреблённый в форме условного наклонения ('убили бы'), и *s'attaquer* ('набрасываться', 'покушаться'), представляющие близкие семантические поля. Большую ироничность и даже абсурдность ситуации позволяет придать гипербола «*la priorité des priorités*» («первоочередная задача»), при помощи которой иронично высмеивается выбор Элизабет Борн приоритетных стратегических направлений. После этого автором ставится вопрос «*Comment est-ce possible?*» («Как это возможно?»), на который он в дальнейшем пытается дать ответ.

Следующий абзац открывается предложением, написанным в разговорном стиле: «***Bon, c'est du Élisabeth Borne, ministre du Travail, donc, comme d'habitude, c'est du gloubi-boulga***» («Ну, это в духе Элизабет Борн, министра труда, так что это очередная чепуха»). Как и в предыдущем абзаце, журналист делает акцент на должности политика (*la ministre du Travail*), иронично подчёркивая некомпетентность предлагаемых Борн решений. Разговорное слово *gloubi-boulga*, изначально используемое для обозначения чего-то несъедобного, имеющего отвратительный вкус, в данном контексте выступает в качестве пейоратива и переводится как 'ахиня', 'чепуха' – что-то абсолютно нелогичное, бессвязное.

В подзаголовке следующего фрагмента статьи в достаточно резкой форме озвучивается позиция автора «***Baisser les allocations chômage, c'est idiot***» («Понижать пособия по безработице – это глупо»). Далее при помощи косвенной **тактики дискредитирующего побуждения**, представленной в форме **совета**, автор приводит первый аргумент в защиту своей позиции – мнение французских профсоюзов относительно реформы: «***Mieux vaut se tourner vers les syndicats qui, chose rarissime, ont tous signé le même texte, dans lequel ils indiquent leur «profond désaccord avec le principe fondateur de cette***

réforme... Pour eux, derrière le paravent de «l'équité», la réalité est celle, triviale, «d'importantes économies budgétaires», effectuées «aux seuls dépens des demandeurs d'emploi» («Лучше прислушаться к точке зрения профсоюзов, которые, что случается крайне редко, единогласно подписали один и тот же документ, где указали на своё «глубокое несогласие с основополагающим принципом этой реформы... По их мнению, за ширмой «справедливости» скрывается банальная реальность – «значительная экономия бюджетных средств», осуществляемая «за счёт тех, кто находится в поиске работы»). Доказательной интенции автора способствует гиперболизированные выражения оценочного характера *«chose rarissime»* («редчайший случай») и *«profond désaccord»* («глубочайшее несогласие»), а также метафора *«le paravent de «l'équité»* («ширма справедливости»).

Второй аргумент содержит обобщённое мнение различных специалистов относительно реформы: *«Et ils se trouvent que les économistes et les sociologues leur donnent raison. Selon de nombreuses études, il est faux de penser que couper les vivres aux chômeurs les fera retrouver du boulot plus vite. En effet, chômeuses et chômeurs manquent plutôt d'argent pour retrouver du travail, une tâche compliquée... qui demande du temps et de l'argent»* («Оказывается, что с этим соглашаются и экономисты, и социологи. Согласно многочисленным исследованиям, ошибочно полагать, что сокращение финансовой поддержки безработных заставит их быстрее вернуться на работу. В действительности же безработным не хватает денег, чтобы найти работу, поскольку это требует больших временных и денежных затрат»). Такие вводные конструкции, как *«selon de nombreuses études»*, *«en effet»*, оценочные выражения *il est faux de penser* («ошибочно полагать»), *ils se trouvent que* («оказывается, что») и синтаксически обособленное словосочетание *une tâche compliquée* («непростая задача») позволяют повысить в глазах читателей авторитетность приводимых аргументов и согласиться с установкой автора.

Третий аргумент строится при помощи риторического восклицания. По убеждению автора текста, данная реформа – пережиток прошлого, она идеологически уходит корнями к положениям, выдвинутым Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) ещё в 1993 г. С тех пор, по его мнению, многое изменилось – «*Mais ça, c'était il y a bientôt 30 ans!*» («Но это было почти 30 лет назад!») – и даже ОЭСР, хотя и поддержав необходимость сократить срок выплат пособий, выступила за высокую сумму выплат и качественную помощь в поиске работы нуждающимся.

Вывод базируется на универсальной **тактике поляризации** по признаку «левые – правые» и носит имплицитный характер. Автор статьи иронично противопоставляет «левые ценности» Элизабет Борн с «правыми ценностями» профсоюзов, действительно борющихся за права безработных: «...*qu'elle est une femme de gauche... Alors que les syndicats, ce sont de sales droitards qui défendent ces privilégiés de chômeurs oisifs*» («...она женщина левых взглядов. В то время как профсоюзы, они-то – грязные правые, которые защищают этих привилегированных праздных безработных»). Использование пейоратива *sales droitards* ('грязные правые') делает возможным построение антитезы (*sales droitards – privilégiés de chômeurs oisifs*) и подводит читателя к самостоятельному формулированию вывода.

В следующем примере **доказательная тактика** направлена на дискредитацию Оливье Дюссо, министра труда, полной занятости и интеграции. Тезис, от которого в дальнейшем отталкивается автор, закладывается в самом заголовке статьи, оформленном в виде ироничного лозунга: «*Assurance-chômage: baisse de droits pour tout le monde!*» («Страхование по безработице: меньше прав для всех!»). Иными словами, данную установку можно интерпретировать следующим образом: «все действия министра труда направлены исключительно на ухудшение положения безработных». Далее автор статьи уподобляет министра труда таким политическим деятелям, как Элизабет Борн и Брюно Лё Мэр, и приводит их цитаты, которые впоследствии подвергает сомнению: «*Le nez*

sur des statistiques, l'oreille collée aux plaintes des patrons qui ont trop de mal à embaucher, le ministre, tout comme Élisabeth Borne, estime que les règles actuelles d'indemnisation «n'incitent pas assez à la reprise d'un emploi». Comme l'a encore déclaré Bruno Le Maire ce matin: «Nos compatriotes ne peuvent pas comprendre qu'avec autant de postes vacants, on soit à 7% de chômage» («Не видя в упор статистику, прислушиваясь к жалобам работодателей, которые испытывают большие трудности с наймом на работу, министр, как и Элизабет Борн, считает, что нынешние правила выплаты компенсаций «недостаточно стимулируют возвращаться на работу». Как еще раз заявил Брюно Лё Мэр сегодня утром: «Наши соотечественники не могут понять, что при таком большом количестве вакансий у нас безработица составляет 7%»). Продемонстрировать нежелание министра труда и других политиков трезво взглянуть на реальность, подчеркнуть их полное безразличие к судьбам безработных и, напротив, их потакание интересам руководителей, позволяет соположение двух противоположных по значению фразеологических оборотов, условно объединённых по признаку «части тела человека» – *le nez sur des statistiques, l'oreille collée aux plaintes des patrons.*

Доказательство строится при помощи развёрнутой математической метафоры и по своей структуре напоминает арифметическую задачу, а также *ссылки на дискредитировавшие себя ранее политические фигуры* – Мириам Эль Хомри и Мюриэль Пенико, с которыми автор отождествляет Дюссо, Борн и Лё Мэра: *«Petit problème de maths pour Bruno, Élisabeth et Olivier: sachant que seul un tiers des chômeurs perçoit actuellement une allocation, en raison des précédentes réformes décidées par Myriam El Khomri puis Muriel Pénicaud, combien de personnes refusent des emplois parce qu'elles touchent une énorme allocation-chômage qui les dissuade de travailler?»* («Небольшая математическая задачка для Брюно, Элизабет и Оливье: зная, что только треть безработных в настоящее время получает пособие из-за реформ, проведённых Мириам Эль Хомри, а затем Мюриэль Пенико, сколько людей отказывается от вакансий, потому что огромные пособия по

безработице удерживают их от работы?»). Организация данного высказывания в форме риторического вопроса придаёт ему ярко выраженную экспрессивность. Далее автор, снова прибегая к риторическому вопросу, приводит в противовес высказываниям вышеуказанных политиков статистические данные Unedic, которые опровергают их убеждения относительно дефицита страхования по безработице: «*Et pourquoi réduire les allocations alors que l'assurance-chômage ne présente aucun déficit? Elle sera même en excédent de 4 milliards cette année, et aurait encore connu le même excédent en 2023 et 2024, selon les chiffres mêmes de l'Unedic, avec les règles actuelles*» («И зачем тогда сокращать пособия, если в системе страхования по безработице нет дефицита? В этом году её профицит даже превысит 4 миллиарда и, согласно данным Unedic, в 2023 и 2024 гг. при нынешних правилах она по-прежнему будет в избытке»). Вывод, к которому приходит автор комментария, носит имплицитный характер и выражается в экспрессивной манере в форме риторического восклицания, которое сопровождается трёхкратным повторением отрицательного наречия *non*: «*Mais non, non, non, il faut baisser les allocations-chômage!*» («Но нет, нет, нет, надо урезать пособия по безработице!»).

В следующем фрагменте **доказательная дискредитирующая тактика** строится по традиционной схеме «тезис – обоснование – вывод» и направлена на Марин Ле Пен, лидера правой партии «Rassemblement national». Тезис в косвенной форме закладывается автором в заголовке статьи – «*Marine Le Pen: le piège pour les femmes*» («Марин Ле Пен: ловушка для женщин») и с учётом общего контекста статьи может быть переформулирован следующим образом: «Марин Ле Пен – противница женщин, мигрантов и мусульманок». Многочисленные аргументы в защиту данного тезиса прослеживаются на протяжении всего текста. Так, например, высказывание Ле Пен «*Le moment est venu d'une femme à l'Élysée*» («Пришло время для женщины в Елисейском дворце») автор в ироничной форме интерпретирует как попытку угодить феминисткам, которых она и её

сторонники постоянно угнетают: *«Elle a ripoliné son discours, faisant presque croire qu'elle serait devenue féministe. L'extrême droite féministe, quel oxymore! Avec elle, c'est tout un parti politique dont l'histoire est puissamment antiféministe et masculiniste, en plus d'être raciste, qui gagne...»* («Она завуалировала свою мысль до такой степени, что создала впечатление, будто бы стала феминисткой. Крайне правая феминистка, какой оксюморон! За ней стоит и целая политическая партия, чья история не только расистская, но и чрезвычайно антифеминистская и маскулинная»). Авторская ирония выражается с помощью риторического восклицания *«l'extrême droite féministe, quel oxymore!»*, а экспрессивное наречие *puissamment (antiféministe et masculiniste)* усиливает дискредитирующий эффект. Далее автор приводит несколько аргументов в защиту своей позиции, в частности, упоминает отсутствие в предвыборной программе Ле Пен каких-либо положений по достижению гендерного равенства и, напротив, заикленность исключительно на репродуктивной функции женщины: *«Dans le programme de Marine Le Pen, aucun livret thématique sur l'égalité entre les femmes et les hommes. En revanche, vieille antienne du FN, les femmes sont presque uniquement évoquées sous le prisme de la famille, et notamment... de la natalité: «faire le choix de la natalité, c'est s'engager à assurer la continuité de la Nation, et la perpétuation de notre civilisation», écrit-elle»* («Программа Марин Ле Пен не предусматривает никакого равенства мужчин и женщин. В то же время, под стать политике FN, женщины в основном рассматриваются сквозь призму семьи и, в частности... рождаемости: «выбрать рождаемость – значит взять на себя обязательство обеспечить непрерывность Нации и сохранение нашей цивилизации», – пишет она»). Упомянув точку зрения политика в отношении абортов, автор прибегает к целому ряду риторических вопросов: *«Elle a longtemps parlé d'IVG de «confort», avait appelé à son déremboursement. «Oui au droit à l'avortement, non à celles qui abusent de ce droit», avait-elle lancé lors d'un forum organisé par Elle en 2012. Mais à quel moment abuse-t-on d'un droit? Qui en décide? Selon quels critères?»* («Долгое время она говорила

о «комфортном» аборте, призывала к его отмене. «Да» праву на аборт, «нет» тем, кто злоупотребляет этим правом», – заявила она на форуме, организованном Elle в 2012 г. Но когда мы злоупотребляем правом? Кто это решает? По каким критериям?»).

К формулированию вывода подводит суплементарная в данном случае **тактика создания образа «тёмного будущего»**: автор перечисляет целый ряд негативных последствий, которые станут реальностью, если антифеминистские и антииммиграционные политические амбиции Марин Ле Пен осуществляются: «*Surtout, sa politique de préférence nationale et l'abrogation du droit du sol <...> que prévoit son programme, sont de véritables dangers pour les femmes migrantes, déjà fragilisées, qui auront accès à moins de droits. Elle instrumentalise d'ailleurs les droits des femmes pour son agenda anti-immigration en présentant les migrants comme intrinsèquement violents envers les femmes. Elle annonce proscrire le port du voile dans la rue: cette mesure est une abomination et contraire à l'esprit de la loi de 1905, qui n'interdit pas les signes religieux dans l'espace public*» («Прежде всего, политика национальных предпочтений и предусмотренная её программой отмена права на гражданство лиц, родившихся на территории Франции <...> представляют настоящую угрозу для и без того уязвимых женщин-мигрантов, которые будут иметь доступ к ещё меньшему количеству прав. Кроме того, она использует права женщин в своей антииммиграционной повестке, представляя мигрантов как изначально склонных к насилию по отношению к женщинам. Она объявляет о запрете ношения платка на улице: эта мера является отвратительной и противоречит духу закона 1905 г., который не запрещает религиозные атрибуты в общественных местах»). Неутешительная картина будущего формируется в глазах читателей с помощью эмоционально окрашенной и оценочной лексики со значением «опасность», «неблагополучность»: *abomination* ('безобразие', 'мерзость'), *femmes fragilisées* ('уязвимые женщины'), *véritables dangers* ('настоящая угроза'), *accès à moins de droits* ('доступ к ещё меньшему количеству прав'),

intrinsèquement violents ('жестокые по своей сути'), а также лексики с отрицательной коннотацией: *anti-immigration* ('антииммиграционный'), *antiféministe* ('антифеминистский'), *contraire à l'esprit de la loi* ('противоречащий духу закона'), *un déni de liberté* ('отрицание свобод человека'). Вывод выражается эксплицитно с помощью метафоры охоты («une chasse des femmes musulmanes»): «L'interdire dans la rue est un **déni de liberté**, et atteste l'idée d'une chasse des femmes musulmanes par l'État. Marine Le Pen réalise ainsi le rêve des islamistes et des djihadistes, qui n'attendent qu'une seule chose: **opposer la République à l'ensemble des musulmans**» («Запретить женщинам носить платок на улице является отрицанием свобод человека и подтверждает идею государственной охоты на женщин-мусульманок. Таким образом, Марин Ле Пен реализует мечту исламистов и джихадистов, которые ждут только одного: натравить Республику против всего мусульманского мира»).

В основе следующей статьи лежит разновидность доказательной тактики – **тактика обличения лжи**, выявленная нами в ходе исследования. Суть данной тактики заключается в том, что определённые высказывания политика помечаются как заведомо неверные, ложные, а дальнейшие аргументы только подтверждают утверждения автора. В качестве «зацепки» используются как прямые цитаты дискредитируемого лица, так и переработанные варианты тех или иных высказываний. Композиционное построение авторского комментария чаще всего приравнивается к следующей схеме: «тезис – прецедентное высказывание политика – уличение во лжи – опровержение». В рамках данной тактики на лексическом уровне превалируют слова и выражения, относящиеся к семантическому полю «ложь» и ряду других контекстуально значимых полей.

В следующем примере данная тактика строится на концептуальной метафоре «Эммануэль Макрон – бездарный ученик и главный бездельник», в ходе которой автор даёт характеристику действиям президента подобно тому, как учитель оценивает ученика (студента) в классе. Данная тактика

манифестируется неоднократным повторением на большом отрезке текста лексических единиц со значением «ложь»: *faux, contraire aux faits, mentir, mensonge*. По мере выдвижения основных тезисов, автор помечает суждения Эммануэля Макрона как лживые и доказательно оспаривает их. Развитию метафорического образа способствует заголовок статьи «*Le cancre de la classe attise la guerre sociale*» («Главный бездельник в классе разжигает социальную войну»), в основе которого – перифрастическая номинация *le cancre de la classe* ('главный бездельник', 'повеса'), эмоционально окрашенный глагол *attiser* ('разжигать'), а также структурная метафора «социальный конфликт – это война» (*la guerre sociale*).

Прежде чем выдвинуть главный тезис и аргументы, автор прибегает к **тактике демаскировки**, при помощи которой разоблачает истинное лицо президента и его намерения: «*Présentation biaisée du fonctionnement de nos institutions, comparaisons historiques non fondées, raisonnements économiques erronés... le Président de la République a un rapport de plus en plus personnel à la réalité...*» («Предвзятое представление о функционировании наших институтов, необоснованные исторические сравнения, ошибочные экономические рассуждения... Президент Республики всё более явно демонстрирует своё личное отношение к реальности»). Эллиптическое предложение в самом начале высказывания выполняет экспрессивно-грамматическую функцию подведения к основной мысли, которую усиливает такой приём, как умолчание. Риторическое восклицание в последней фразе высказывания позволяет наиболее эмоционально передать мысль автора, в ироничной форме выразить предвзятость президента по отношению к более уязвимым слоям населения: «*...Mais quand il s'agit de stigmatiser les pauvres, on peut compter sur lui!*» («Но когда дело доходит до стигматизации бедных, мы можем на него положиться!»).

Далее автор упоминает заложенную в основе дискредитации речь президента и представителей правительства и, прибегая к перифрастической номинации, называет последних «*les potes de la maison de retraite*», намекая

их на почтенный возраст: «*Cher Emmanuel Macron, aujourd'hui, avec les potes de la maison de retraite <...> nous vous avons attentivement écouté*» («Уважаемый Эммануэль Макрон, сегодня <...> мы внимательно выслушали вас и ваших дружков из дома престарелых...»). Соположение на данном отрезке текста таких лексических приёмов, как вежливое обращение «*Cher Emmanuel Macron*» и уничижительная номинация «*les potes de la maison de retraite*», позволяет создать яркий стилистический контраст и усиливает комический эффект всего высказывания. В конце данного комментария автор продолжает развивать заложенную в основе инициальной дискредитации концептуальную метафору «учебного заведения» и выступает в роли учителя, который ставит ученику, Эммануэлю Макрону, неудовлетворительную отметку: «*Voici votre bulletin... et ce n'est pas brillant*» («Вот ваш дневник с оценками... не самыми привлекательными»). Прибегая к такому синтаксическому приёму, как парцелляция, автор заостряет внимание читателя и предвосхищает дальнейшую негативную оценку деятельности президента. Аргументация также строится на основе данной концептуальной метафоры, в рамках которой каждое высказывание президента интерпретируется с точки зрения его предметной области по аналогии с преподаваемыми в учебных заведениях дисциплинами, в частности, историей, математикой, экономикой, правом. Название каждой «дисциплины» выносится в отдельный подзаголовок: «*Droit constitutionnel*», «*Mathématiques*» и т. д.

В основе первого аргумента закладывается следующая установка: «Эммануэль Макрон врёт относительно процедуры обсуждения реформы и не знает, как в конституционном праве трактуется «голосование» («*Droit constitutionnel: vous ne savez pas ce qu'est un vote*»). Далее приводится цитата Эммануэля Макрона, в которой президент обосновывает легитимность своих действий в рамках пенсионной реформы: «*Ce texte a été préparé par le gouvernement après des mois de concertation. Il a été voté par le Sénat, puis adopté par l'Assemblée suite à l'utilisation de l'article dit 49.3, et donc par le vote*»

d'une mention de censure contre le gouvernement, qui a échoué («Текст законопроекта был подготовлен правительством после нескольких месяцев обсуждений. За него проголосовал Сенат, а затем он был принят Ассамблеей после использования так называемой статьи 49.3 и, следовательно, путём вынесения вотума недоверия правительству, который провалился»). Затем вводится аргумент, обозначенный словом *faux* ('ложь'), в котором автор ставит под сомнение правомерность проведённого голосования, позволившего принять данную реформу: *«C'est faux: il n'y a eu aucune concertation. De plus et surtout, vous laissez entendre que le projet de réforme des retraites a été «adopté par un vote», ce qui est contraire aux faits»* («Ложь: никаких обсуждений не было. Кроме того, и что особенно важно, вы даёте нам понять, что проект пенсионной реформы был «принят в результате голосования», что противоречит фактам»). Закольцевать изначальную установку о том, что высказывания президента – лживые (*«c'est faux...»*), позволяет конечная фраза *«...ce qui est contraire aux faits»* («...что противоречит фактам»). Отрицательная конструкция *«...il n'y a eu aucune concertation»* («... никаких обсуждений не было») усиливает категоричность выдвигаемой автором позиции.

Следующий аргумент направлен против высказывания, в котором Эммануэль Макрон порицает радикальные методы борьбы за справедливость, избираемые некоторыми профсоюзными организациями, и сравнивает их с прецедентными событиями не только во Франции, но и в США и Бразилии: *«Les syndicats ont une légitimité. Quand ils défilent, je les respecte. Mais, quand des groupes utilisent l'extrême violence pour agresser des élus de la République, alors ça n'est plus la République. Quand les États-Unis d'Amérique ont vécu ce qu'ils ont vécu, au Capitole, quand le Brésil a vécu ce qu'il a vécu, ou parfois par le passé chez nous... <...> Je vous le dis très nettement, on ne peut accepter ni les factieux ni les factions»* («Профсоюзы функционируют правомерно. Когда они участвуют в демонстрациях, я отношусь к ним с уважением. Но когда группы прибегают к крайнему насилию для нападения

на избранных должностных лиц Республики, это уже не Республика. Когда Соединенные Штаты Америки прошли через то, через что они прошли, в Капитолии, когда Бразилия прошла через то, через что она прошла, или наша страна когда-то в прошлом... <...> Я говорю вам предельно ясно: нельзя мириться ни с повстанцами, ни с группировками». Приводимые президентом сравнения негативно оцениваются автором («*des comparaisons inacceptables*»), называются недопустимыми в данном контексте: «*Comparer des manifestations pacifiques avec la tentative de renversement du gouvernement des États-Unis <...> par des néo-nazis, pardon?*» («Сравнивать мирные демонстрации с попыткой неонацистов свергнуть правительство Соединенных Штатов <...>, простите?»)). Построение предложения в форме риторического вопроса нацелено вызвать недоумение у читателя и склонить его к принятию авторских установок.

Далее приводится высказывание Эммануэля Макрона, в котором президент в вопросной форме обращается к слушателям и выражает свою обеспокоенность относительно стремительно и диспропорционально растущего числа пенсионеров в стране: «*...Est-ce que vous pensez que l'on peut continuer avec les mêmes règles?*» («Вы считаете, что мы можем продолжать жить по тем же правилам?»)). Затем автор статьи вступает в прямой диалог с президентом, отвечая в разговорно-уничижительной манере и приводя известные ему факты (не ссылаясь, при этом, на какой-то конкретный источник): «***Ben oui. Le financement des retraites a été assuré depuis 1945 grâce à un moyen simple: la hausse des cotisations. De plus, le pic du vieillissement de la population <...> de la génération du « baby-boom », est intervenu vers 2010. Il est donc derrière nous – et non pas devant, comme vous l'affirmez***» («Ну да. Начиная с 1945 г., финансирование пенсий обеспечивается простым способом: повышением взносов. Кроме того, пик выхода на пенсию поколения «бэби-бума» пришелся примерно на 2010 г. Таким образом, он уже позади, а не впереди нас, как вы утверждаете»)).

В основе следующего аргумента – высказывания Эммануэля Макрона о безосновательной критике со стороны профсоюзных организаций и их нежелании выдвигать какие-либо компромиссные предложения: *«Je regrette qu'aucune force syndicale n'ait proposé de compromis. Là où historiquement les forces syndicales pouvaient proposer des compromis, on nous a dit: aucune réforme»* («Мне жаль, что ни один профсоюз не предложил компромиссных решений. Там, где традиционно профсоюзы могли предложить компромисс, было сказано: никаких реформ»). Далее автор опровергает «лживые» заявления президента, приводя в пример конкретные предложения CFDT, отвергнутые правительством Макрона: *«C'est faux, puisque la CFDT, par exemple, accepte le rallongement de la durée de cotisations à 43 ans, ce qui en fait, au passage, l'une des plus longues durées de travail d'Europe. De plus, les syndicats ont proposé de négocier à propos de la pénibilité, ce que votre gouvernement a refusé»* («Это ложь, поскольку CFDT, например, соглашается на увеличение продолжительности внесения взносов до 43 лет, которая, кстати, является одной из самых высоких в Европе. Кроме того, профсоюзы предложили обсудить вопрос о штрафных санкциях, от чего ваше правительство отказалось»).

Последний аргумент, который приводит автор, базируется на **тактике разоблачения**: президент в очередной раз предстаёт в качестве бездельника, который в реальности лишь «бросает пыль в глаза» и настраивает людей друг против друга: *«Ne rien demander aux patrons et alimenter la guerre sociale: mention très bien... Ne rien faire pour accroître l'emploi des plus de 50 ans, joli coup...»* («Ничего не требовать от руководителей и разжигать социальную войну: диплом отличника... Ничего не делать для увеличения занятости людей старше 50, хороший ход...»). Слова президента о проблемных зонах современного французского рынка труда интерпретируются автором как «пустословие», не подкрепляемое никакими реальными действиями: *«Mais cela oblige d'imposer des contraintes aux entreprises. C'est pour cela qu'il n'y a rien de sérieux à ce sujet dans votre réforme. Et qu'encore aujourd'hui, à part*

répéter que c'était «le» sujet... vous n'avez pas formulé la moindre proposition!» («...Но для этого необходимо наложить ограничения на компании. Поэтому в вашей реформе нет ничего значимого для решения данной проблемы. И даже сегодня, кроме повторения слова «проблема»... вы не внесли ни малейшего предложения!»). Синтаксический параллелизм («*ne rien demander*», «*ne rien faire*») и целый ряд других отрицательных оценочных конструкций («*qu'il n'y a rien de sérieux*», «*vous n'avez pas formulé la moindre proposition!*»), а также метафора *alimenter la guerre sociale* ('разжигать социальную войну') и антифразис *joli coup* ('хороший ход') привлекают внимание читателя и выводят на передний план следующую установку: действия президента не несут никакой пользы и только раскалывают французское общество на несколько лагерей. Концептуальная метафора «учебное заведение», заложенная в самом начале статьи и отслеживаемая на протяжении всего текста, окончательно закольцовывается, когда автор в ироничной форме вручает президенту «диплом отличника» («*mention très bien*»).

Рассмотрим применение доказательной тактики обличения лжи ещё на одном примере. Уже в самом заголовке статьи, построенном в форме риторического вопроса, автор закладывает негативную установку «Оливье Дюссо – лжец, каких ещё поискать», на базе которой в дальнейшем развивается тактика доказательного умаления авторитета: «*Retraite à 1 200 euros: qui pourra mentir davantage qu'Olivier Dussopt?*» («Пенсия в 1200 евро: кто сможет солгать больше, чем Оливье Дюссо?»). Несмотря на то, что изначальная интенция автора направлена на Оливье Дюссо, приводимые им доказательства также дискредитируют Эммануэля Макрона, Габриеля Атталя и Элизабет Борн.

Доказательная база журналиста строится на трёх основных аргументах. Следует отметить, что смысловой глагол *mentir* ('лгать') в различных видовременных формах так или иначе пронизывает весь текст статьи и встречается четыре раза, наряду с однокоренными с ним существительными *menteur* ('лжец'), *super-menteur* ('величайший лжец') и *mensonge* ('враньё').

Так, в первом аргументе в гиперболизированной форме обыгрывается фразеологизм *mentir, comme on respire* ('лгать, как мы дышим'), на фоне которого сам Дюссо при помощи универсальной **сопоставительной тактики** по схеме «Он похож на N» уподобляется Эммануэлю Макрону и Габриэлю Аттало, а проводимая им политика, в глазах автора, парадоксально соотносится с взглядами самых консервативных правых: *«Non seulement Olivier Dussopt ment plus qu'il respire, mais, tout comme Emmanuel Macron ou Gabriel Attal, il ne cesse d'opposer une «France du travail» aux prétendus «assistés». Soit exactement le programme de la droite la plus conservatrice»*. («Оливье Дюссо не только лжёт больше, чем дышит, но, подобно Эммануэлю Макрону или Габриэлю Аттало, он не перестает сопоставлять «рабочую Францию» с так называемой «помощью». Точь-в-точь программа самых консервативных правых»).

Следующий довод, в основе которого лежит **тактика обманутого ожидания**, обличает очередную ложь политика в отношении минимального размера пенсии и количества людей, которых она должна была коснуться и коснётся на самом деле: *«Il a donc encore menti. La «retraite minimale à 1 200 euros», qui devait concerner 1,8 million de personnes, puis 40 000, n'en concernera plus que 20 000, ou 10 000, en réalité personne ne sait»* («И вновь очередная ложь. «Минимальная пенсия в 1200 евро», которая должна была коснуться 1,8 миллионов человек, а затем 40 000, теперь затронет только 20 000 или 10 000. В действительности, никто точно не знает»).

Третий аргумент открывается подзаголовком-вопросом *«Dussopt menteur, Macron super-menteur?»* («Дюссо лжец, Макрон ещё больший лжец?»), который строится на таких стилистических приёмах, как градация и гипербола. В данном текстовом фрагменте дискредитация смещается на Эммануэля Макрона и становится возможной благодаря таким тактическим приёмам, как **«навешивание ярлыков»** и **«ловушка на противоречиях»**: *«Le mensonge – avec la mise en examen – étant la chose la mieux partagée de ce gouvernement, Emmanuel Macron a, une nouvelle fois, menti au sujet des «1 200*

euros pour une carrière complète...» («Поскольку ложь – наряду с обвинениями – самая распространенная вещь в этом правительстве, Эммануэль Макрон в очередной раз солгал о «минимальной зарплате в 1200 евро за полноценную карьеру...»). Сначала автор наклеивает ярлык *«mensonge»* («ложь») на Макрона и его правительство, после чего созданный дискредитирующий контекст дополняется с помощью цитаты президента, которая противоречит тем высказываниям, которые он озвучивал ранее: *«Voici ses mots: «Ces 1 200 euros pour la retraite minimale, c'est pour ceux qui ont une carrière complète. Et c'est juste. Parce que si vous faites toute votre carrière à mi-temps, que moi je fais toute ma carrière à temps plein, qu'on arrive à la retraite, qu'on a la même retraite, à juste titre, je vais dire: «Je me suis fait avoir»* («Вот его слова: «Эти 1200 евро на минимальную пенсию предназначены для тех, у кого есть полноценная карьера. И это справедливо. Потому что, если вы всю свою карьеру работаете неполный рабочий день, а я всю свою карьеру работаю полный рабочий день, мы выходим на пенсию, получаем одинаковые деньги, я по праву скажу: «Меня обманули»»).

Далее в качестве аргумента приводится авторитетное, по убеждению автора статьи, мнение относительно установленного Элизабет Борн и Оливье Дюссо размера минимальной пенсии, далёкого от самого минимального прожиточного минимума: *«Une chose dingue, c'est ce «seuil» de 1 200 € qu'Élisabeth Borne et Olivier Dussopt ont inventé, sorte de Paradis terrestre. Sauf que, ainsi que l'a montré mon excellent collègue Pierre Concialdi, le minimum du minimum pour vivre aujourd'hui, c'est 1 600 €. Et avec l'inflation à venir, les personnes ayant 1 200 € de pension dans dix ou vingt ans seront pauvres!»* («Но что по-настоящему безумно, так это «порог» в 1200 евро, который выдумали Элизабет Борн и Оливье Дюссо, своего рода рай на земле. За исключением того, что, как показал мой замечательный коллега Пьер Консальди, самый мизерный прожиточный минимум на сегодняшний день составляет 1600 евро. А с учетом грядущей инфляции люди с пенсией в 1200 евро через десять или двадцать лет будут бедными!»). Таким образом, рисуя картину

«тёмного будущего» в форме предупреждения при помощи преуменьшения «*le minimum du minimum*» и риторического восклицания, автор апеллирует к чувству страха и формирует недоверие ко всему правительству Макрона. Также автор прибегает к религиозной метафоре, выраженной в форме антифразы, иронично называя выбранную сумму минимальной пенсии – «раем на земле» («*sorte de Paradis terrestre*»).

Умалая в представлении читателей авторитет политиков, автор также неоднократно конструирует **образ «тёмного будущего»**, что хорошо отражается в следующих примерах: «*On rappelle que la réforme des retraites est motivée par le déficit abyssal à venir*» («Напоминаем, что пенсионная реформа мотивирована грядущим катастрофическим дефицитом»), «*Emmanuel Macron aura donc réussi l'exploit de bloquer le pays pendant des semaines, d'inquiéter toute la population, pour à peu près aucune économie au total. Mais, par contre, il aura mis les caissières, manutentionnaires, vendeuses, maçons et livreurs la tête sous l'eau deux ans de plus, et ça c'est chouette*» («Таким образом, Эммануэлю Макрону удастся заблокировать на несколько недель страну, вызвать беспокойство у всего населения, практически без каких-либо сбережений в целом. Но, с другой стороны, он с головой окунёт в воду кассиров, грузчиков, продавцов, строителей и доставщиков еще на два года, и это просто замечательно»).

Вызвать у читателя повышенное беспокойство и страх перед грядущим помогают такие эмоционально окрашенные и оценочные слова и выражения, как *abyssal* ('катастрофический'), *une chose dingue* ('безумство'), *c'est chouette* ('просто замечательно'), *à peu près aucune économie au total* ('практически без каких-либо сбережений'), глаголы с негативной коннотацией *bloquer* ('заблокировать') и *inquiéter* ('беспокоить'), а также метафора *mettre la tête sous l'eau* ('окунуть с головой в воду'). Увеличить масштаб бедствий позволяет перечисление целого ряда однородных членов предложения (дополнений) «*caissières, manutentionnaires, vendeuses, maçons*

et livreurs» – напоминание о том, что последствия данной политики могут коснуться каждого.

За счёт комбинированного применения вышеизложенных тактических приёмов автору удаётся добиться изначально поставленных дискредитирующих целей. Вывод выражается в последнем предложении в косвенной форме («*Je vous laisse conclure*»). Автор, хотя и приглашая читателей к самостоятельному размышлению, подталкивает, на основе приведённых доказательств, согласиться с его точкой зрения.

Использование **доказательной тактики обличения лжи** совместно с **антиимиджевой тактикой** демонстрируется в следующей статье, целью которой является дискредитировать премьер-министра Франции Элизабет Борн, представить её в глазах читателя как «антигуманного» и «лживого» политика. В качестве «зацепки» автор использует прецедентные высказывания Элизабет Борн на тему пенсионной реформы в рамках интервью на телеканале France 2. Тезис, которого придерживается автор статьи, можно сформулировать следующим образом: «заявления премьер-министра – лживые, их главная цель – запугать народ». В связи с этим на лексическом уровне доминируют единицы, входящие в семантическое поле «ложь, обман»: *mentir, mensonge, faux, avoir tout faux*.

Далее автор интерпретирует в общей сложности пять прецедентных заявлений Элизабет Борн, каждое из которых заранее помечает как лживое: «*cinq mensonges en cinq minutes*» («соврать пять раз за пять минут»). Сначала автором опровергается высказывание премьер-министра относительно «неустойчивости» текущей пенсионной системы, которая, по её словам, уже сегодня определяет будущее Франции: «*J'entends ceux qui nous disent: «c'est pas le moment». Mais le déséquilibre de notre système de retraites, il est là, l'avenir de notre système de retraite, il est maintenant*» («Я слышу тех, кто говорит нам: «Сейчас не время». Но нестабильность нашей пенсионной системы на лицо, и её будущее определяется уже сейчас»). В качестве контраргумента автор приводит мнение Пьера-Луи Бра, председателя Совета

по пенсионному обеспечению, который, напротив, называет систему «контролируемой»: *«Un système aujourd’hui en déséquilibre, ah bon? Faux: le système est en excédent cette année. Pierre-Louis Bras, le président du Conseil d’orientation des retraites, l’a dit: «Les dépenses de retraite ne dérapent pas, elles sont relativement maîtrisées»* («Система сегодня нестабильна, так, значит? Ложь: в этом году система в избытке, президент Совета по управлению пенсиями, высказался об этом: «Пенсионные расходы не снижаются, они относительно контролируемы»).

Следующий контраргумент касается заявления Элизабет Борн относительно «демографической проблемы», в котором она говорит о прогрессивном снижении количества активов для финансирования пенсий: *«... Dans les années 2000, il y avait 2 personnes par pensionné. Aujourd’hui, on est à 1,7 et demain on va avoir moins d’actifs pour payer les pensions des retraités»* («...В 2000-х гг. на финансирование одной пенсии приходилось 2 человека. Сегодня этот показатель равен 1,7, а завтра будет ещё меньше средств для выплаты пенсий»). Хотя и не опровергая точность этих статистических данных, автор, прибегая к *этикетной тактике* инициального типа, заостряет внимание на том, что в стране резко снизилось соотношение между старыми и молодыми: *«Ces chiffres sont exacts (heureusement, hein). Mais, contrairement à ce que souhaite la Première ministre, sa démonstration montre que le problème n’est justement pas démographique. Nous avons réussi à verser les retraites alors que le ratio entre jeunes et vieux s’est en effet effondré»* («Эти цифры точны (к счастью, ага). Но, вопреки тому, чего хочет премьер-министр, ее доказательство показывает, что проблема точно не в демографии. Пенсии выплатить удалось, но соотношение между молодыми и старыми действительно рухнуло»). Далее автор подводит итоги своего «расследования», результатом которого становится полное опровержение слов премьер-министра: *«...Second problème pour son argumentaire: à l’avenir, puisque le papy-boom de 1945 est derrière nous, le ratio actifs/retraités ne va plus beaucoup baisser, pour passer de*

1,7 à 1,2 puis se stabiliser à ce niveau. Il n'y a donc aucun effondrement démographique à venir, contrairement à ce qu'Élisabeth Borne veut nous faire croire» («Вторая несостыковка в её аргументах: в будущем, поскольку период «baby-boom» 1945 г. позади, соотношение работающих и пенсионеров больше не будет резко снижаться, сначала показатели уменьшатся с 1,7 до 1,2, а затем стабилизируются на этом уровне. Таким образом, демографического коллапса не произойдет, вопреки тому, во что Элизабет Борн хочет, чтобы мы верили»). Такие экспрессивно-оценочные лексемы, как *pitié* ('жалость'), *heureusement* ('к счастью'), *s'enfontrer* ('разваливаться, рушиться'), междометие *hein* ('ага, не так ли'), а также антифразис «*C'est une réussite incroyable!*» («Это невероятное достижение!») усиливают дискредитирующий эффект и ставят под сомнения высказывания премьер-министра.

Третий аргумент базируется на том, что Элизабет Борн и правительство в целом не рассматривает никаких альтернативных решений относительно пенсионной реформы, высмеивая любые предложения извне: «...*Certes, Élisabeth Borne a raison de railler les milliers d'amendements déposés par la France Insoumise, méthode puérile qui ne grandit personne. Mais, ainsi que la presse s'en est fait l'écho depuis des mois, la majorité s'est justement caractérisée par sa fermeture et son refus de toute réelle concertation, jusqu'à s'aliéner la CFDT...*» («...Конечно, Элизабет Борн права, высмеивая тысячи поправок, внесённых France Insoumise, – ребяческий метод, который никого не воспитывает. Но, как пресса и твердила в течение нескольких месяцев, большинство как раз характеризовалось своей закрытостью и отказом от каких-либо реальных обсуждений, вплоть до полнейшего игнорирования CFDT...»). Донести до читателя точку зрения в нужном ключе удаётся за счёт использования эмоционально окрашенной лексики – *railler* ('насмехаться'), *puérile* ('ребяческий'), *s'aliéner* ('отвращать'), метафоры «*méthode puérile qui ne grandit personne*» ('ребяческий метод, который никого не воспитывает'), эвфонии «*Une opposition sans proposition?*» («Возражения

без предложения?»), содержащейся в подзаголовке фрагмента, и иронического тона всего комментария. Промежуточный вывод, к которому приходит автор статьи, подкрепляется собирательным мнением людей различных политических убеждений, выразивших единогласную позицию: *«Enfin, de nombreuses personnes, y compris des élus de droite, ont souligné que le gouvernement ne propose aucune solution sérieuse au faible emploi des plus de 50 ans, qui est, de l'avis de tous, la principale hypothèque sur l'avenir de notre protection sociale»* («Наконец, многие люди, в том числе представители правого крыла, подчеркнули, что правительство не предлагает никаких серьёзных решений проблемы низкой занятости среди людей старше 50 лет, что, по общему мнению, является главной гарантией будущего нашей социальной защиты»).

Сопоставительная тактика чаще всего выступает в качестве вспомогательной в рамках более масштабной тактики и развивается по стандартной схеме «Он похож на N». Метафора, гипербола, употребление сниженной лексики – наиболее частотные языковые средства реализации данной тактики. Наряду с этим, дискредитация нередко достигается при помощи разновидности *сопоставительной тактики*, именуемой нами *«Один стоит другого»*. Так, Элизабет Борн в ироничной манере сравнивается с Эммануэлем Макроном: *«...Or, on en est loin. Mais Élisabeth est en cela digne de Manu, obsédé par le fait de «rattraper le temps perdu»: autrement dit, mettre en œuvre le programme ultra-libéral qui a échoué partout, et que l'immense majorité des économistes intelligents de la planète rejettent aujourd'hui»* («...Однако мы далеки от этого. Но в этом Элизабет стоит Ману, одержимого идеей «наверстать упущенное» – иными словами, осуществить повсеместно провалившуюся ультралиберальную программу, которую сегодня отвергает подавляющее большинство разумных экономистов планеты»).

В данном фрагменте используется не полная, а усечённая форма имени Эммануэля Макрона – *Manu* (Ману), а министр труда в данном контексте

упоминается без фамилии (*Élisabeth*), что позволяет создать неформальную «атмосферу» высказывания и в очередной показывает неуважительное отношение автора к вышеупомянутым политикам. Устремления Макрона и Борн автор оценивает как попытку «наверстать упущенное» («*ratrapper le temps perdu*») – это своего рода литературная аллюзия-отсылка к названию романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» («*À la recherche du temps perdu*»). Автор также при помощи гиперболы «*l'immense majorité des économistes*» («подавляющее большинство») акцентирует внимание на том, что предлагаемые Элизабет Борн положения неразумны, поскольку опровергаются людьми, более компетентными в данном вопросе.

Тактика ссылки на дискредитировавшее себя лицо обычно развивается в рамках небольшого текстового фрагмента при помощи таких языковых средств, как сравнение и аллюзия. На следующем примере рассмотрим, как автор на основе прецедентной исторической «зацепки» инкорпорирует в текст данную тактику и сопоставляет политику современной французской верхушки с политикой консервативных и социал-демократических деятелей прошлого, в частности, бывшего федерального канцлера Германии Герхарда Шрёдера: «...*Elle est menée depuis des décennies d'abord par les gouvernements conservateurs, mais aussi sociaux-démocrates, comme Gerhard Schröder en Allemagne, qui a accru la pauvreté dans son pays comme personne depuis Hitler...*» («...Она (политика) проводилась десятилетиями сначала консервативными правительствами, но также и социал-демократами, такими как Герхард Шредер в Германии, который увеличил бедность в своей стране, как никто другой со времён Гитлера...»). Финализировать суждения автора относительно губительности существующей социальной политики в стране позволяет конечная фраза: «*C'est tout le bonheur que je souhaite à Olivier*» («Это всё счастье, которого я желаю Оливье»). Автор в форме **утрированного пожелания** предвосхищает исход событий, который, благодаря таким, как Оливье Дюссо, обернётся крахом государства.

дискредитирующие чаще всего используется в качестве самостоятельной в рамках небольших текстовых фрагментов. Сначала берётся на первый взгляд ничем не примечательное высказывание политика, в котором автор отыскивает некоторую «зацепку» и выстраивает дискредитирующий контекст «по своим правилам». Реализации данной тактики способствуют различные языковые средства, в частности, метафоры, эпитеты, аллюзии, перифразы, риторические восклицания, ирония. В следующем фрагменте при реализации данной тактики автор избирает в качестве мишени президента Франции Эммануэля Макрона. В качестве «зацепки» берётся высказывание президента, произнесённое в раздевалке сборной Франции после поражения на чемпионате мира от Аргентины: *«Merci à celles et ceux qui vont peut-être arrêter le maillot après ce match. Il y en a plein qui sont très jeunes et qui vont en faire beaucoup d'autres, plus que moi comme président dites-le-vous bien. Donc, vous allez en gagner d'autres parce que vous avez une expérience embarquée qui est dingue. <...> Vive la République et vive la France!»* («Спасибо всем тем, кто, возможно, оставит футболку после этого матча. Есть много молодых людей, которые сделают гораздо больше, чем я как президент, как правильно было сказано. Так что от этого поражения вы выиграете больше, потому что у вас будет этот невероятный опыт. <...> Да здравствует Республика, и да здравствует Франция!»).

Комментарий автора предвосхищает заголовок «Footix» – аллюзия на маскот домашнего чемпионата мира 1998 г., а также ироническая перифрастическая номинация президента Франции – «*kiné de l'équipe de France*» («физиотерапевт сборной Франции»). Далее автор, считая чрезмерным внимание Эммануэля Макрона к сборной, в саркастической манере высмеивает президента, также упоминая бывшего футболиста сборной Франции Франка Рибери: *«Franck Ribéry s'est dit qu'il aurait très bien pu faire président»* («Слушая эту прекрасную речь, Франк Рибери сказал себе, что вполне мог бы стать президентом»).

В следующем примере **тактика превращения нейтральных контекстов в дискредитирующие** также направлена на Эммануэля Макрона – глашатая грядущей пенсионной реформы. Автор, «цепляясь» за высказывание «депутата-макрониста» Карла Олива, оформляет заголовок своего комментария в форме лозунга «*Allez les vieux!*» («Вперёд, старики!»), что представляет собой ироническую аллюзию на известную кричалку французских футбольных болельщиков – «*Allez les bleus!*» («Вперёд, синие!»). Актуальность данной аналогии объясняется проходящим на момент публикации данного номера важнейшим спортивным событием – чемпионатом мира по футболу. Далее развёрнутая «футбольная» метафора получает продолжение, когда автор, используя англицизм *coach*, называет президента «тренером» сборной Франции, который заставляет «футболистов» играть до 65 лет: «*Karl Olive, député macroniste de troisième division: «On a la chance d'avoir un président supporter et ça ne date pas d'hier <...> Et aujourd'hui, il est dans le rôle qui a toujours été le sien. Il ne se force pas». Coach Macron est parfaitement dans son rôle quand il veut nous faire jouer les prolongations jusqu'a 65 ans*» («Карл Олив, депутат-макронист из третьего дивизиона: «Нам повезло, что у нас есть президент-сторонник, и это произошло далеко не вчера <...>. Сегодня он находится в той роли, которая по праву принадлежит ему. Он не принуждает себя». Тренер Макрон идеально подходит на свою роль, когда хочет, чтобы мы играли до 65 лет»). В свете вводимой пенсионной реформы и проходящим во время публикации статьи чемпионатом мира по футболу, данная аналогия приобретает актуальность и легко распознаётся читателем.

Дискредитация **жанровой стилизации** развивается в рамках масштабных контекстов посредством большого количества средств выразительности и сопровождается рядом других более частных тактик. Поскольку в следующем примере в основу стилизации закладывается такая концептуальная метафора, как «политический мир – театр», композиционная организация текста приобретает характерные черты пьесы: структурно статья

поделена на три действия; представлены основные «действующие лица», в числе которых – представители близкого окружения Эммануэля Макрона, члены его партии «En Marche!» и деятели местных комитетов, выступающие в поддержку президента. Монологическая речь периодически сменяется встроенными в общий контекст диалогами. Заголовок статьи носит несколько поэтический характер и строится при помощи таких средств языка, как антитеза («*passion et trahison*») и ассонанс (повторение звука [ɔ̃] в словах «*passion*», «*trahison*», «*macron*»), что позволяет создать комический эффект: «*Passion et trahison au sein d'un comité macron*» («Страсть и предательство внутри макроновского комитета»). Наряду с этим, автор прибегает к использованию образованного от фамилии президента эпонима («*un comité macron*»), который позволяет имплицитно выразить пренебрежительное отношение автора к объекту дискредитации.

Весь текст статьи сопровождается авторскими ремарками, живописными подробностями и наблюдениями, в которых на передний план выходит косвенная **тактика выхватывания «фактиков»**. Так, автор в самом начале статьи утрированно воссоздаёт историю отношений президента и его будущей жены, Брижит Макрон, делая акцент на возрасте президента и обстоятельствах их первой встречи: «*La politique c'est du théâtre. Et ce n'est pas Emmanuel Macron qui nous contredira, lui qui est tombé amoureux de Brigitte Trogneux, sa professeur de français alors qu'il jouait à 14 ans le rôle d'un épouvantail dans la Comédie du langage*» («Политика – это театр. Эммануэль Макрон уж точно не будет оспаривать это утверждение, ведь он влюбился в Брижит Тронье, свою учительницу французского языка, когда в 14 лет играл роль пугала в «Комедии языка»). Данный «фактик» позволяет интегрировать метафору «политический мир – театр» в общий контекст повествования и в форме характерных для данной сферы перифрастических номинаций представить президента как главное действующее лицо «пьесы»: «*Depuis, le jeune premier s'est transformé en diva de la scène politique et suscite un engouement aussi inédit qu'incongru*» («С тех пор герой-любовник превратился

в приму политической сцены и вызывает как беспрецедентный, так и совершенно неуместный интерес»). Наряду с этим, обстоятельства написания статьи интерпретируются автором как попытка «заглянуть за кулисы» макроновского движения и разузнать все подробности изнутри: «*Charlie Hebdo s'est glissé derrière le rideau. Entre passion et trahison, plongée intime au sein d'un comité Macron pour comprendre la motivation des seconds rôles et des figurants*» («Charlie Hebdo заглянул за кулисы. Сквозь страсть и предательство, мы проскользнули вглубь комитета Макрона, чтобы понять мотивацию актёров второго плана и массовки»). Данное вступление предвосхищает содержание статьи и уточняет её композиционное построение: «*Une tragi-comédie en trois actes*» («Трагедия в трёх действиях»).

В первом «действии», получившем название «Acte I. La révélation» («Действие I. Откровение»), автор повествует о своих впечатлениях от посещения встречи представителей движения «En Marche!», частью которого она стала незадолго до самого события: «*Un samedi de janvier 2017, il y a réunion au café Le Cyrano à Vichy dans l'Allier. Une quinzaine de personnes ont bravé le froid de ce début d'année pour porter les couleurs de leur poulain. Si la parité est presque respectée, la mixité sociale, elle, l'est beaucoup moins. On a beau être dans le trou du cul du monde, le petit rassemblement macronien du samedi matin s'affiche CSP+. Pas d'agriculteurs, de chômeurs ou d'ouvriers à l'horizon. Ces fainéants ne marchent pas! En revanche, ça regorge de spécialistes du patrimoine, de jeunes retraités de la fonction publique (55 ans), d'élus locaux, de notaires, d'entrepreneurs ou de professeurs. Bref, une bonne portion du gratin bourbonnais semble déjà acquise à Macron*» («Суббота, январь 2017 г., в кафе «Le Cerano» города Виши, департамент Алье, состоялась встреча. Около пятнадцати человек выдержали холод начала года, чтобы представить интересы своего протеже. Если гендерное равенство практически соблюдается, то равенство социальное – гораздо меньше. Несмотря на то, что мы находимся в самой заднице этого мира, крошечное макроновское собрание ранним субботним утром проходит под знаком CSP+.

На горизонте не видно фермеров, безработных или простых рабочих. Эти бездельники сюда не ходят! В то же время, здесь полно специалистов в области наследия, молодых пенсионеров – бывших государственных служащих (55 лет), местных депутатов, нотариусов, предпринимателей или профессоров. Короче говоря, приличная порция бурбонской запеканки, похоже, уже досталась Макрону»).

Посредством введения таких «фактиков», как условия и масштаб самого движения, а также возраст и социальный статус его участников, создаётся утрированно-карикатурный образ толпы, выступающей в поддержку президента. Одновременно комический и дискредитирующий эффект также достигается за счёт конвергенции – вплетения в общий контекст повествования целого ряда приёмов и фигур речи, таких как ироническое восклицание «*Ces fainéants ne marchent pas!*» («Эти бездельники сюда не ходят!»), литота на основе эпонима «*le petit rassemblement macronien*» («крошечное макроновское собрание»), эллиптическое предложение «*Pas d'agriculteurs, de chômeurs ou d'ouvriers à l'horizon*», гастрономическая метафора «*une bonne portion du gratin bourbonnais*» («приличная порция бурбонской запеканки»), фразеологизм «*porter les couleurs*» («представлять интересы», «защищать цвета»), а также за счёт употребления разговорной, оценочной и откровенно грубой лексики: *poulain* ('протеже'), *fainéants* ('бездельники'), *regorger* ('переполнять', 'кишеть'), *bref* ('короче'), *le trou du cul du monde* ('самая задница мира').

Введённая «гастрономическая» метафора получает продолжение и в следующем абзаце. Автор статьи описывает процесс и обстоятельства обсуждения идей, которые впоследствии стали частью предвыборной программы Эммануэля Макрона: «*Après un rapide débriefing, le temps est venu de travailler en petits groupes... À nous de plancher sur le thème du «travail», pour construire des propositions que notre comité, à l'instar de tous les autres, fera remonter «au siège à Paris». Là, des «experts» moulinent les données qui remontent de la base et les recrachent pour élaborer le futur programme du futur*

собой идеальное сочетание: 58 лет, отец взрослых детей, снова холост, показывает мне своих лошадей и свою недвижимость»). Уточняя возраст и материальное положение водителя, автор намекает на то, что в поддержку президента в большей степени выступают люди уже не молодого возраста – немногие, кому пенсионная реформа окажется на руку. Внутренний облик типичного «макроновца» преподносится за счёт «зацепки» за прецедентный текст – обращения к неоднозначному и несколько укороченному афоризму «*quand on veut, on peut*» («когда хочешь, можешь»), который нередко приписывают Наполеону Бонапарту.

Развернуть дискредитирующий контекст позволяет построение комментария в форме антитезы («*une répulsion quasi animale*» – «*une admiration béate*»), а также введение «зацепки» за «цитату» водителя, который, прибегая к перифрастической номинации «*grosse blonde*», негативно и даже грубо высказывается о главном оппоненте Эммануэля Макрона – Марин Ле Пен: «*Dès que j'embraye sur Macron, Henri-Pierre est dithyrambique sur le créateur du CICE et de l'ouverture des magasins le dimanche. S'il voue une répulsion quasi animale à la «grosse blonde», il fait preuve d'une admiration béate envers Emmanuel, en qui il voit un JFK français. Désarmant de naturel, il répète: «Je veux mon Kennedy. Je veux mon Kennedy». Tant pis si, comme on lui fait remarquer, l'homme a plutôt mal fini!*» («Как только я переключаюсь на Макрона, Анри-Пьер восхваляет введение CICE и открытие магазинов по воскресеньям. Проявляя почти животное отвращение к «толстой блондинке», он выказывает блаженное восхищение Эммануэлем, в котором видит французского Джона Кеннеди. Обезоруживая своей естественностью, он повторяет: «Мне нужен мой Кеннеди. Мне нужен мой Кеннеди». Тем хуже, поскольку, позволим заметить, этот человек довольно плохо кончил!»). Сравнение Эммануэля Макрона с бывшим президентом США Джоном Кеннеди, учитывая обстоятельства смерти последнего, оцениваются автором статьи как абсурдные и высмеиваются посредством эмоциональной апелляции к читателю в форме риторического восклицания-

предупреждения: «*l'homme a plutôt mal fini!*» («этот человек довольно плохо кончил!»).

Описывая обстоятельства и условия проведения самой встречи сторонников президента, автор вводит оксюморон «*le saint des saints, c'est d'enfer*» («вход в святая святых – это ад») и отбирает следующие дискредитирующие «фактики»: «*À l'entrée du Palais des sports de Gerland, des milliers de gens font la queue. Quelque 8 000 personnes sont déjà dans la salle, et au moins autant dehors (selon les organisateurs). Après deux heures à **poireauter dans le froid, pénétrer dans le saint des saints, c'est d'enfer***» («У входа во Дворец спорта Жерлана выстраивается многотысячная очередь. В помещении уже находится около 8000 человек, и как минимум столько же снаружи (по словам организаторов). После двух часов торчания на морозе вход в святая святых – это ад»).

Заключительная часть, получившая название «*Acte III. La trahison*» («Акт III. Предательство»), базируется на **тактике «ловушка на противоречиях»**. Автор приводит два разнонаправленных высказывания президента, создавая образ лицемерного человека, меняющего позицию в зависимости от ситуации: «*En visite en Algérie, il a expliqué que la colonisation est «un crime contre l'humanité». Mais dans son livre Révolution, il évoquait les «traces de civilisation» qu'elle avait apportées. Même embrouilles avec pro- et anti-mariage pour tous*» («Во время визита в Алжир, он заявил, что колонизация – это «преступление против человечества». Но в своей книге «Революция» он упоминал о «следах цивилизации», которые она оставила. Та же путаница с высказываниями то «за», то «против» брака для всех»). Наряду с этим, отрицательно оценивая Эммануэля Макрона как политика, автор приводит многочисленные отсылки к прецедентным высказываниям президента, используя такие возможности словообразования, как словосложение («*le gars en tee-shirt qui «n'a-qu'à-travailler-pour-se-payer-un-costume*») и употребление приставки с негативным значением «ложный»: «*Le temps serait-il venu de faire mon coming out? Oui, j'avoue, je ne suis pas*

macronienne, peut-être parce que, comme l'analysent certains économistes, les pseudo-nouvelles solutions Macron ont le goût des vieilles recettes libérales, qui d'hier à aujourd'hui dominent notre monde et le (mal)mènent là où il va. Heureusement, avec Emmanuel, j'aurai au moins appris une chose: il faut faire repentance et s'excuser quand on blesse les gens – les ouvrières «illettrées de chez Gad», le gars en tee-shirt qui «n'a-qu'à-travailler-pour-se-payer-un-costume», les pieds-noirs, les anti-homos...» (Не пора ли мне сделать каминг-аут? Да, признаюсь, я не сторонница Макрона, возможно, потому, что, как анализируют некоторые экономисты, псевдоновые решения Макрона приготовлены по старым либеральным рецептам, которые по сей день доминируют в нашем мире и (не) ведут его туда, куда ведут. К счастью, с Эммануэлем я, по крайней мере, кое-чему научусь: нужно раскаиваться и извиняться, когда причиняешь боль людям – «неграмотным сотрудницам из дома Гэда», парню в футболке, который «должен-работать-только-для-того-чтобы-позволить-себе-купить-костюм», «пье-нуар», гомофобам...»).

В качестве доказательства истинности своих суждений автор ссылается на мнение «некоторых экономистов», не приводя, тем не менее, конкретных примеров. Усилить дискредитирующий эффект позволяют оценочные лексемы *heureusement* и *(mal)mener*, которые используются автором как вспомогательные средства создания иронии. Наряду с этим, характеризуя политику президента, автор также использует гастрономическую метафору «*ont le goût des vieilles recettes libérales*» («приготовлены по старым либеральным рецептам»). В самом конце вводится такой приём, как ироническая благодарность, выраженная в форме восклицания: «*Merci, Emmanuel, pour la leçon!*» («Спасибо, Эммануэль, за этот урок!»).

Таким образом, в дискурсе журнала «Charlie Hebdo» нами было выявлено 50 случаев употребления универсальных тактик дискредитации. Самой продуктивной из них оказывается тактика доказательного умаления авторитета (16 случаев использования). Полную информацию о полученных результатах приведём в виде гистограммы:

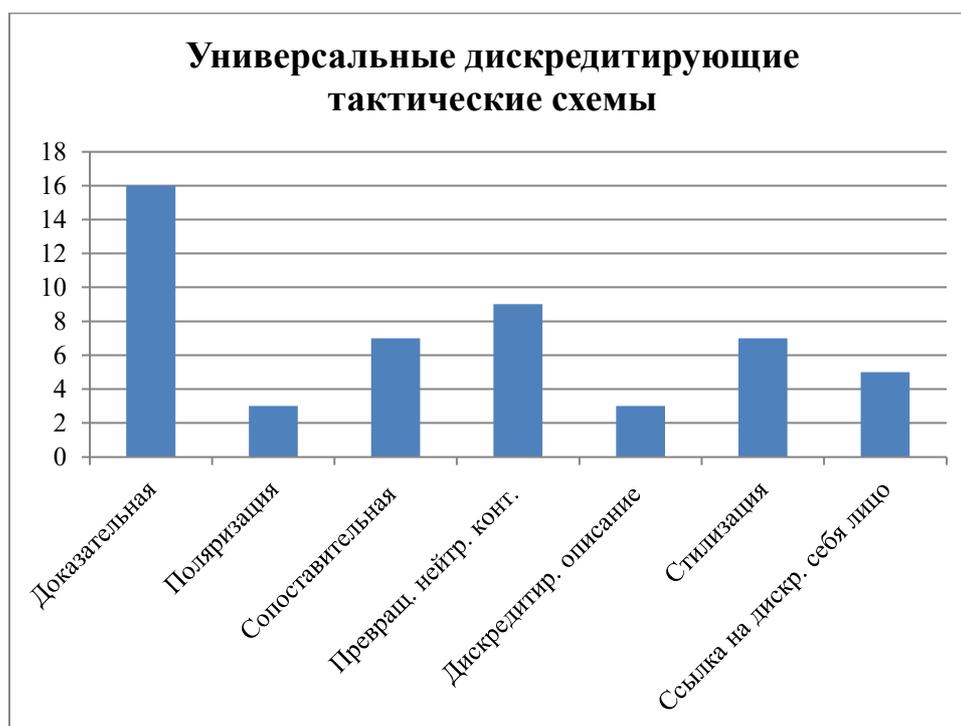

Рис. 1. Универсальные дискредитирующие тактические схемы в журнале «Charlie Hebdo»

Среди средств звуковой организации высказывания в журнале преобладает такой приём, как ассонанс (3 случая употребления). На лексико-фразеологическом и синтаксическом уровне универсальные тактики дискредитации реализуются при помощи таких языковых средств, как метафора, ирония, гипербола, а также за счёт употребления междометий, эмоционально окрашенной и разговорной лексики, риторических вопросов, восклицаний, отрицательных конструкций, эллипсов и антитезы. Наиболее полную информацию об использованных языковых средствах реализации универсальных дискредитирующих тактических схем статистически отразим в следующих гистограммах:

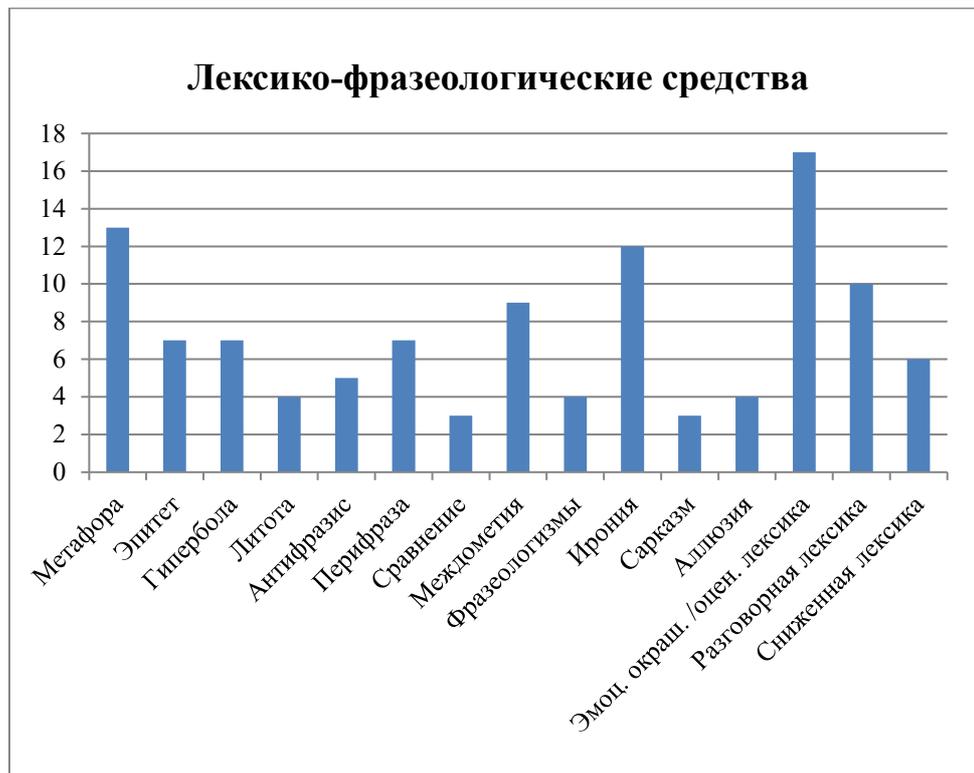

Рис. 2. Лексико-фразеологические средства реализации универсальных дискредитирующих тактических схем в журнале «Charlie Hebdo»

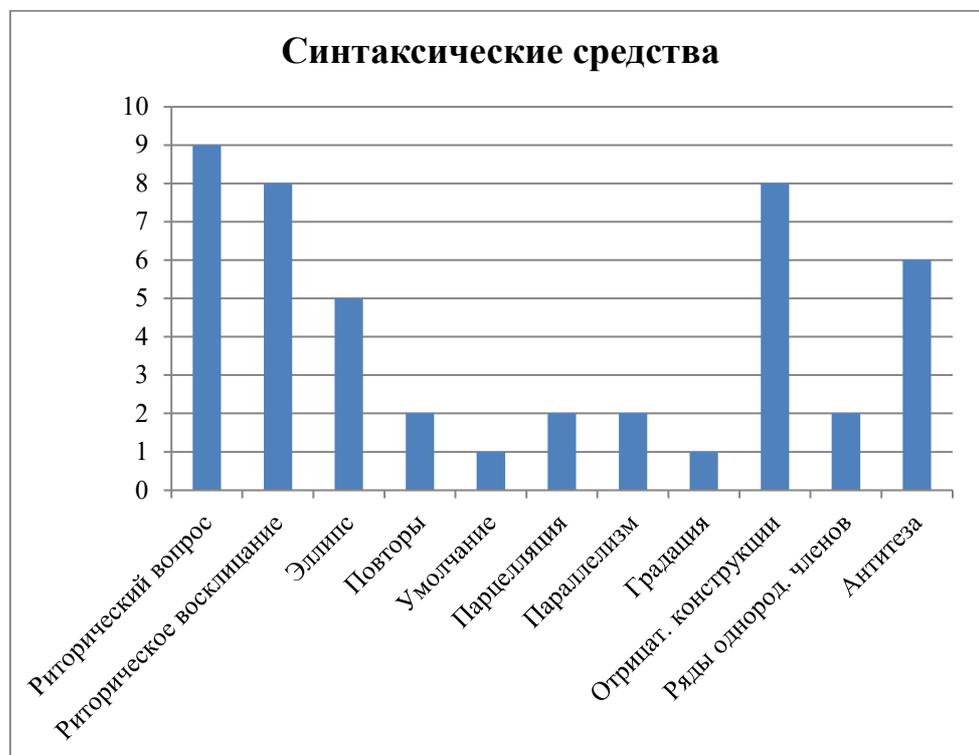

Рис. 3. Синтаксические средства реализации универсальных дискредитирующих тактических схем «Charlie Hebdo»

2.2. Прямые тактики дискредитации

В ходе исследования нами было выявлено 88 случаев применения **прямых тактик дискредитации**, среди которых: тактика создания образа «тёмного настоящего» (будущего, прошлого), тактика разоблачения (демаскировка), тактика создания образа врага, антиимиджевая тактика, тактика создания образа «похорон» и другие. Для данного типа тактик характерно использование большого количество экспрессивной и оценочной лексики, с помощью которой автор преподносит информацию в намеренно искажённом, негативном виде, тем самым воздействуя на эмоциональный фон адресата. Наряду с этим, применимы такие языковые средства, как метафоры, риторические вопросы, антитеза, антифразис, ирония.

Наиболее продуктивной **прямой тактикой эмоционального воздействия** (17 случаев употребления) оказывается **тактика создания образа «тёмного настоящего»**, а также **будущего** и **прошлого**, с помощью которых вербализуется контекст безысходности и, тем самым, оказывается сильное эмоциональное воздействие на читателя. Данный эффект создаётся посредством использования, в первую очередь, большого количества эмоционально окрашенных лексем, а также метафор, риторических восклицаний, исторических и культурных аллюзий. Наряду с этим, авторы дискредитирующих текстов журнала широко используют грамматические возможности французского языка, в частности, применяют контекстуально и семантически обусловленные видовременные формы глаголов.

Примером реализации **тактики создания образа «тёмного будущего»** служит статья, содержащая аналитический обзор последних новостей относительно пенсионной реформы, находящейся в активной разработке правительства (по состоянию на 6 марта 2023 г.): *«La réforme des retraites concoctée par le gouvernement va pénaliser tout le monde. Les femmes, ceux dont les métiers sont pénibles, les vieux qui, éjectés du monde du travail, iront pointer à Pôle Emploi avant de finir s'éclater au RSA. Mais pas seulement. Les cadres*

*aussi vont **morfler** et pas qu'un peu. Finalement le gouvernement a raison: la réforme est égalitaire... dans le nivellement par le bas*» («Пенсионная реформа, состряпанная правительством, обернётся для всех серьёзными последствиями. Женщины, работающие в невыносимых условиях, старики, выброшенные с рабочих мест, отправятся в центры занятости, пока не добьются выплаты пособий. Но и это не всё. Руководителям тоже придётся понервничать, причём серьёзно. В конечном счёте, правительство справедливо: реформа ведёт к равенству... равенству нижайших»). Автор статьи, используя такие негативно окрашенные лексемы, как *pénaliser* ('отрицательно сказываться'), *pénible* ('невыносимый', 'мучительный'), *éjecté* ('выброшенный'), *morfler* ('осуждать', 'приговаривать'), создаёт неблагоприятный эмоциональный фон и усиливает ощущение тревожности по отношению к удручающим перспективам. Причастный оборот «*concoctée par le gouvernement*» выражает с некоторой долей иронии авторское отношение к вносимым изменениям, буквально «состряпанным», необдуманном. Ближайшее будущее время глаголов («*va pénaliser*», «*vont morfler*») подчёркивает скорое наступление и безвыходность описываемых автором событий. Высказывание завершается введением антифразы («*Le gouvernement a raison: la réforme est égalitaire...*») и впоследствии опровергается автором при помощи недвусмысленного многоточия, разрывающего предложения на две противопоставленные по значению части. Катахреза *le nivellement par le bas* ('равенство нижайших') в очередной раз подчёркивает противоречивый характер проводимой реформы.

В следующем фрагменте дискредитация направлена на министра труда Оливье Дюссо и становится возможной за счёт применения *тактики создания образа «тёмного будущего»* в форме категоричного предопределения: «*Avec la nouvelle réforme décidée par «l'homme de gauche» Olivier Dussopt... les personnes privées d'emploi auront la chance d'ajuster une nouvelle fois leur ceinture, tellement ils ne vont bientôt plus pouvoir se nourrir*» («С новой реформой, предложенной «человеком левых взглядов» Оливье

Дюссо..., безработные снова получают возможность затянуть пояса, да так, что скоро не смогут прокормить себя»). Дискредитации способствует эмоционально окрашенный фразеологизм «*ajuster la ceinture*» («затянуть пояса»), а грамматическое построение высказывания («*ils ne vont bientôt plus pouvoir se nourrir*») в форме ближайшего будущего времени позволяет приблизить в глазах читателя прогнозируемую реальность. Финальная фраза построена в форме ироничного обращения-призыва, наиболее характерного для рекламного жанра, в основе которого лежит гастрономическая метафора: «*Oubliez le sans gluten, le Dussopt est le régime qu'il vous faut!*» («Забудьте о безглютеновой диете, диета Дюссо – вот то, что вам нужно!»).

Далее автор в ироничном ключе оценивает государственную политику по борьбе с безработицей как «волшебное, чудодейственное средство», а также прибегает к сравнению, уподобляя фатальный рост безработицы таянию снега в горах: «*Le gouvernement a trouvé la recette miracle au chômage: réduire tellement les droits des chômeurs que ceux-ci vont disparaître encore plus vite des statistiques que la neige en montagne*» («Правительство нашло волшебный рецепт борьбы с безработицей: урезать права безработных настолько, что они исчезнут из статистики намного быстрее, чем растает снег в горах»). Заголовок статьи, в свою очередь, композиционно напоминает ироничный лозунг, в основе построения которого лежит синтаксический параллелизм: «*Plus de chômeurs, plus de chômage!*» («Больше безработных, больше безработицы!»). Именно под таким лейтмотивом, по мнению автора статьи, государство проводит свою политику по борьбе с безработицей.

Следующий пример демонстрирует применение **тактики создания образа «тёмного будущего»**, с помощью которой автор, прибегая к статистическим данным, рисует негативные последствия указа Оливье Дюссо о страховании от безработицы: «*C'est le 23 décembre dernier qu'Olivier a transmis à ces andouilles de «partenaires sociaux», qui devraient refuser ce terme autant pourvu de sens que chief happiness officer, un projet de décret sur l'assurance-chômage. Sa papillote a un goût amer: si jamais le taux de chômage*

devait descendre en dessous de 6 % de la population active, soit encore près de 2 millions de chômeurs, qui ne sont pas tous aussi heureux de leur condition que Jeff Tuche, la durée de versement des allocations-chômage serait réduite de... 40 %.» («Именно 23 декабря прошлого года Оливье передал этим болванам «социальным партнёрам» – которым следовало бы отказаться от этого термина, столь же наполненного смыслом, как и «директор по счастью» – проект указа о страховании от безработицы. У его обёртки горький привкус: если когда-нибудь уровень безработицы опустится ниже 6% от экономически активного населения, что по-прежнему составляет почти 2 миллиона безработных – не все из которых так довольны своим положением, как Джефф Туше – срок выплаты пособия по безработице будет сокращён на... 40%»). Дискредитировать самого политика и его приближённых позволяет использование в самом начале фрагмента такой инвективы, как *andouilles* ('болваны'). Созданию резко негативного образа окружения Оливье Дюссо также способствует **тактика превращения нейтральных контекстов в дискредитирующие**, когда автор «цепляется» за нейтральное выражение «*partenaires sociaux*» («социальные партнёры») и сопоставляет его по бессмысленности с другим прецедентным термином – «*chief happiness officer*» («директор по счастью»). Сам указ и последствия от его принятия метафорически отождествляются с горькой на вкус обёрткой («*Sa papillote a un goût amer*»).

Акцентируя внимание на угнетённости людей, оставшихся без работы, автор как бы между строк прибегает к аллюзии на прецедентный кинематографический образ – образ главного героя французской комедии «Les Tuche», конформиста Джеффа Туше: «...*qui ne sont pas tous aussi heureux de leur condition que Jeff Tuche*» («...не все из которых так же довольны своим положением, как Джефф Туше»). Подчеркнуть значимость информации, содержащейся в конечной фразе фрагмента, позволяет такой приём, как парцелляция, который синтаксически усиливается многоточием: «*la durée de*

versement des allocations-chômage serait réduite de... 40 %.» («срок выплаты пособия по безработице будет сокращён на... 40 %.»).

Анализируя недавние изменения, негативно затронувшие размеры и порядок выплат пособий по безработице, автор следующей статьи даёт отрицательную оценку деятельности Оливье Дюссо – министра труда, полной занятости и интеграции. Предложение, выбранное в качестве подзаголовка статьи – «*Olivier Dussopt contre les chômeuses et les chômeurs*» («Оливье Дюссо против безработных») – содержит заранее заложенную установку дискредитировать политика, дать негативную оценку его деятельности в рамках борьбы с безработицей. В данном случае дискредитация строится на основе **тактики создания образа «тёмного настоящего»**: «*Notre pays se désindustrialise, notre école s'effondre, la pauvreté s'étend? Tout cela ne préoccupe guère le gouvernement, qui préfère taper encore et toujours sur les chômeurs*» («Наша страна деиндустриализируется, система образования рушится, бедность растёт? Всё это мало волнует правительство, которое предпочитает снова и снова отыгрываться на безработных»). Использование глаголов со значением «разрушение» (*se désindustrialiser, s'effondrer, s'étendre*) подчёркивает деструктивность деятельности текущего правительства, отказ видеть и решать реальные проблемы французского общества. Отрицательная структура высказывания «*Tout cela ne préoccupe guère le gouvernement*» усиливается при помощи наречия *guère*.

Следующий фрагмент открывает цитата Элизабет Борн, в которой премьер-министр говорит о ситуации в мире и стране, заостряя внимание не на глобальности и острой необходимости скорейшего разрешения существующих проблем, а на более частном аспекте внутренней политики – проведении пенсионной реформы: «*...Bien sûr que la guerre en Ukraine a un impact sur nos vies. Bien sûr que la crise climatique elle est là, et on l'a vu l'été dernier. Mais nous avons un bien précieux, le système de retraite par répartition, qui est très précieux, et dont on doit assurer l'avenir*» («...Безусловно, ситуация в Украине влияет на нашу жизнь. Безусловно, климатический кризис имеет

место быть – мы убедились в этом прошлым летом. Но у нас есть ценный актив – распределительная пенсионная система, которая имеет огромную ценность, и будущее которой мы должны обеспечить»). Затем автор при помощи **тактики создания образа «тёмного настоящего»** прибегает к гиперинтерпретации данных заявлений премьер-министра, выраженной в форме сермоцикации – продолжении автором статьи цитаты премьер-министра от первого лица: *«Autrement dit: le pays va très mal, ainsi que ne cessent de le hurler les professionnels de la santé mentale depuis des mois. Mais je mène quand même une réforme inutile sur le plan financier, injuste sur le plan social, dont je sais qu'elle va entraîner de grandes inquiétudes chez les plus fragiles, et des protestations massives durant des semaines»* («Другими словами: страна находится в очень плохом состоянии, о чём уже несколько месяцев не перестают кричать специалисты в области психического здоровья. Но я всё ещё провожу финансово бесполезную, социально несправедливую реформу, которая, я знаю, вызовет большое беспокойство среди самых уязвимых и приведёт к массовым протестам в течение нескольких недель»). Наряду с этим, акцентировать внимание на антигуманности политики Элизабет Борн и создать образ неутешительной реальности позволяют эмоционально окрашенные слова и выражения, такие как *inutile* ('бесполезный'), *injuste* ('несправедливый'), *hurler* ('кричать', 'горланить'), *les plus fragiles* ('самые уязвимые'), *des protestations massives* ('массовые протесты'), *entraîner de grandes inquiétudes* ('вызывать огромное беспокойство').

В следующем фрагменте реализация **тактики создания образа «тёмного настоящего»** начинается с подзаголовка, по своей структуре напоминающего рекламный слоган: *«Être chômeuse et pauvre, avec Manu, c'est possible»* («Быть безработной и бедной – с Ману, это возможно»). Далее автор описывает, в каком затруднительном положении оказываются пятидесятилетние работницы «prêt-à-porter»: *«...Et ce d'autant plus que les vendeuses âgées d'une cinquantaine d'années qui se retrouvent sur le carreau aujourd'hui vont se retrouver avec des indemnités de licenciement ridicules, merci*

Macron là encore) («...Тем более, что продавщицы за пятьдесят, которые сегодня оказываются без работы, получают смехотворное выходное пособие, ещё раз спасибо, Макрон»). Подчеркнуть дискредитирующую направленность данного текстового фрагмента и усилить отрицательный прагматический заряд помогают оценочное высказывание *des indemnités de licenciement ridicules* ('смехотворное выходное пособие'), устойчивое выражение *se retrouvent sur le carreau* ('оказываются без работы') и закрепившаяся в обиходе французов уничижительная апокопа имени президента – «*Manu*» («Ману»), а также **ироническая благодарность** в сторону самого «виновника торжества»: «*merci Macron là encore*» («ещё раз спасибо, Макрон»).

Как показывает следующий фрагмент, **тактика создания образа «тёмного настоящего»** нередко сменяется **тактикой создания образа «тёмного будущего»** или применяется совместно с ней: «*Et alors que l'inflation diminue toujours..., les faillites se multiplient, dans tous les secteurs. Ce n'est donc pas le bon moment de perdre son boulot: c'est le chômage de longue durée, puis l'exclusion sociale, qui tendent leurs tristes bras secs à toutes ces personnes qui ont bossé dur, debout toute la journée*» («И пока инфляция всё ещё падает... количество банкротств растёт во всех секторах. Так что сейчас не время терять работу: ведь это означает период длительной безработицы, а затем социальной изоляции, которые протягивают свои печальные высохшие руки всем тем, кто работал не покладая рук, находясь целый день на ногах»). Вызвать обеспокоенность у читателя и создать желаемую негативную «атмосферу» высказывания способствует метафора «*tendent leurs tristes bras secs*» и прогнозирование, построенное в форме градации.

В основе следующего фрагмента лежит **тактика создания образа «тёмного будущего»**, которая развивается в форме риторического вопроса и синтаксически усиливается рядом однородных дополнений: «*Vous préférez baisser les allocs des chômeurs, et voir se multiplier les expulsions de logements, les familles brisées, les parents drogués, les personnes à la rue?*» («Вы бы

предпочли сократить пособия по безработице и увидеть, как растет число людей, выселяемых из жилья, распадающихся семей, родителей-наркоманов, бездомных?»). Наряду с этим, создать необходимую картину безрадостного будущего после введения реформы, «сгустить краски» и усилить общий дискредитирующий контекст позволяет выбранный автором подзаголовок, построенный при использовании антитезы и ассонанса: «*Les chômeurs: assistés, ou abandonnés?*» («Безработные: получающие помощь или обездоленные?»).

Рассмотрим совместное применение *тактик создания образа «тёмного настоящего»* и *«тёмного будущего»*, которые строятся при помощи антитезы: два следующих параграфа значительно контрастируют друг с другом, что прослеживается на лексическом и синтаксическом уровне. Изначально автор представляет потенциальные изменения в рамках пенсионной реформы, которые бы устроили подавляющее большинство французских граждан, подтверждая свои предположения статистическими данными: «*Lorsque l'on demande aux citoyennes et aux citoyens ce qu'ils pensent d'une réforme des retraites légèrement différente de l'actuelle, consistant à ramener l'âge légal de départ à 60 ans. Les résultats sont impressionnants: c'est un oui franc et massif pour 87% des employés, 81% des ouvriers, 67% des artisans et commerçants, et encore 53 % des cadres!*» («Когда граждан и гражданок спрашивают, что они думают о пенсионной реформе, которая несколько отличается от нынешней тем, что установленный законом возраст выхода на пенсию снижен до 60 лет, результаты впечатляют: это громкое и массовое согласие 87% служащих, 81% рабочих, 67% мелких производителей и торговцев, и ещё 53% руководителей!»).

Выразить одобрение автора по отношению к предлагаемым изменениям помогает экспрессивная лексика с положительной коннотацией, в частности, *resultats ... impressionnants* ('впечатляющие результаты') и гипербола *un oui franc et massif* ('громкое массовое согласие'), а также оформление предложения в форме риторического восклицания.

Абсолютно иначе строится следующий параграф: «*Ces résultats nous disent une chose – les gens n'en peuvent plus du téléphone qui sonne toute la journée, de ces monceaux de mails quotidiens, d'être debout, fatigués, serrés dans les transports, de ce petit chef qui prend ses aises, de ces clients insupportables, du mal de dos, de tête, du stress, du toujours plus vite, et tout ça pourquoi?*» («Эти результаты говорят нам об одном – люди больше не могут терпеть телефон, который звонит целыми днями, груды ежедневных писем, толпиться, стоя на ногах, в тесном общественном транспорте, будучи и так изнемождёнными, не могут терпеть этого самодовольного начальника, этих невыносимых клиентов, боли в голове, в спине, стресс от ритма «быстрее, ещё быстрее», и всё это ради чего?»). С точки зрения синтаксиса, предложение нагромождено длинными рядами однородных членов с отрицательной семантикой, которое в самом конце венчается риторическим вопросом. В лексическом плане, на данном текстовом отрезке доминируют негативно окрашенные слова и выражения со значением «изнеможение» и «безысходность»: «*[les gens] n'en peuvent plus*» («[люди] больше не могут терпеть»), *fatigués* («изнемождённые», «уставшие»), *insupportables* («невыносимые»), *stress* («стресс»), а также разговорно-уничижительное выражение *petit chef* («начальник», «шишка»), гиперболизированные выражения «*téléphone qui sonne toute la journée*» («телефон, который звонит целыми днями»), «*monceaux de mails quotidiens*» («груды ежедневных писем») и «*du toujours plus vite*» («быстрее, ещё быстрее»), построенное в результате конверсии. Данные языковые средства усиливают дискредитирующую интенцию автора и оказывают сильное воздействие на читательское восприятие.

Последние два предложения рисуют образ далеко не радужного будущего, которое станет возможным в результате введения реформы: «*Relisez ces chiffres: même la majorité des cadres, qui ont commencé à bosser en moyenne à 21 ou 22 ans, veulent partir à 60 ans, soit au tout de trente-huit ou trente-neuf ans de labeur. Loin, si loin de quarante-trois années de non-plaisir*

que nous imposent avec la sourire les progressistes Emmanuel, Elisabeth, Olivier et Olivier» («Ещё раз взгляните на цифры: даже большинство руководителей, которые начали работать в среднем в 21 или 22, хотят уйти на пенсию в 60, то есть, по крайней мере, после 38 или 39 лет работы. Далеко, очень далеко от тех 43 лет мучений, которые с улыбкой навязывают нам прогрессивные Эммануэль, Элизабет, Оливье и Оливье»). Дискредитировать «виновных» в лице ответственных в принятии реформы политиков позволяют гипербола, в основе которой лежит неологизм «*quarante-trois années de non-plaisir*» («сорок три года мучений»), градация «*loin, si loin*» («далеко, очень далеко»), оксюморон «*imposent avec la sourire*» («навязывают с улыбкой») и антифразис на основе конверсии «*les progressistes*» («прогрессивные»).

Далее рассмотрим применение *тактики создания образа врага*, направленной на дискредитацию президента Франции Эммануэля Макрона. По убеждению автора, президент уже не первый год занимается тем, что угнетает социальные права граждан: «*Emmanuel Macron bousille les droits sociaux depuis plus de 5 ans: baisse des APL, réduction des allocations-chômage donc, mise en cause du RSA et de l'assistanat*» («Эммануэль Макрон уничтожает социальные права уже более 5 лет: урезает адресное жилищное пособие, сокращает пособия по безработице, следовательно, ставит под удар пособие в рамках активной солидарности и помощь от него»). Деструктивность социальной политики президента преподносится как нечто очевидное и общеизвестное, своего рода трюизм: «*Son projet de société est on ne peut plus clair, assumé*» («Его общественный проект всем совершенно понятен»). Подчеркнуть разрушительность деятельности Эммануэля Макрона позволяет негативно окрашенный глагол *bousiller* («убивать», «уничтожать»), существительные со значением «упадок», в частности, *baisse* («снижение») и *réduction* («сокращение»), фразеологизм *mettre en cause* («ставить под удар»), а также игра слов, основанная на созвучии существительных с противоположным значением – «*assistanat*» («оказание помощи») и «*assassinat*» («предумышленное убийство»). Продолжая в

экспрессивной манере обличать политику президента, автор также расширяет свой «список обвиняемых» именами Элизабет Борн и Оливье Дюссо и при помощи военной метафоры («*la guerre contre les pauvres*») и метафоры охоты («*la chasse aux chômeurs*») выносит суждение-приговор: «*Ce qu'Emmanuel, Élisabeth et Olivier font a un nom. Cela s'appelle la chasse aux chômeurs, la guerre contre les pauvres*» («У того, что делают Эммануэль, Элизабет и Оливье, есть имя. Это называется охотой на безработных, войной с бедными»).

В следующем фрагменте автор также прибегает к **тактике создания образа врага**, в рамках которой Эммануэль Макрон предстаёт как человек, несущий раскол в общество, настраивающий друг против друга работников и безработных, в то время как компании оказываются вне зоны прямой ответственности: «*Enfin, vous nous avez présenté un vrai projet de société, dans lequel les entreprises n'ont aucune responsabilité, et où le premier ennemi du salarié, c'est le pauvre, l'assisté*» («Наконец, вы представили нам настоящий проект развития общества, в котором компании не несут никакой ответственности, и где первый враг работника – бедняга, получающий социальную помощь»). Наиболее точно и контрастно отобразить последствия политики президента позволяет такой приём создания иронии, как антифразис *un vrai projet de société* ('настоящий проект развития общества'). В подзаголовке данного фрагмента статьи также прослеживается метафора, с помощью которой автор удостоивает «заслуги» президента доски почёта: «*Accabler les syndicats: tableau d'honneur*» («Подавление профсоюзов: доска почёта»). Стилистический контраст позволяют создать употреблённые в одном контексте глагол с резко негативным значением *accabler* ('угнетать', 'подавлять') и устойчивое словосочетание *tableau d'honneur* ('доска почёта').

Следующая статья ярко демонстрирует применение **тактики демаскировки (разоблачения)**, по мере развития которой автор в вызывающей манере последовательно подтверждает свою точку зрения многочисленными примерами. Статью предваряет заголовок «*Faillites dans le*

prêt-à-porter: les chômeuses pourront remercier Macron («Банкротство в сфере prêt-à-porter: безработные женщины могут благодарить Макрона»), сформулированный в форме **иронического предложения** работницам сферы «*prêt-à-porter*» «поблагодарить» президента то, что именно из-за него они лишились своих рабочих мест.

Прибегая к иронии, автор подчёркивает парадоксальность государственной стратегии в отношении трудовой занятости населения, приводящей не к улучшению и даже не к стабилизации экономического положения, а к повсеместному увеличению числа обанкротившихся отраслей: «*Au moment où le gouvernement veut nous faire «travailler plus», les faillites se multiplient*» («В то время, когда правительство хочет заставить нас «работать больше», количество банкротств растёт»). Далее дискредитирующее побуждение автора статьи выражается в форме **напоминания**: «*L'occasion de rappeler que le Président de la République a précarisé les travailleurs et les chômeurs comme personne avant lui*» («Возможность напомнить, что Президент Республики поставил рабочих и безработных в такое положение, как никто до него»).

Затем автор прибегает к использованию военной метафоры, характеризуя череду отраслевых банкротств как самую настоящую «массовую резню», «бойню» («*une hécatombe*»). Наглядно продемонстрировать людям то, чего они лишаются, позволяет перечисление уже произошедших и ожидаемых банкротств некоторых востребованных французами магазинов: «*Une hécatombe. Après le secteur de la confection textile dans les années 1980 et 1990, c'est le secteur du prêt-à-porter qui baisse le rideau en France. Les faillites ou quasi-faillites des magasins Kookaï, André, San Marina ou encore Go Sport font la Une. En septembre dernier, des enseignes qui faisaient partie de notre quotidien, comme Camaïeu, Pimkie, San Marina, Celio, La Halle ou encore André, connaissent déjà de très grandes difficultés*» («Бойня. Вслед за сектором текстильной одежды в 1980-х и 1990-х гг. во Франции свои последние дни доживает сектор одежды prêt-à-porter.

Банкротства или полу-банкротства магазинов Kookaï, André, San Marina или Go Sport – всё это на первых полосах газет. В сентябре прошлого года такие бренды, как Camaïeu, Pimkie, San Marina, Celio, La Halle или даже André, составлявшие часть нашей повседневной жизни, уже испытали огромные трудности»). Добиться эффекта «сгущения красок» позволяют эпитет *grandes difficultés* ('огромные трудности') и фразеологизм *baisser le rideau* (букв. – 'опускать занавес', 'доживать последние дни', 'закрываться'). Описывая кризисную ситуацию в данной отрасли, автор прямо указывает на проблемные точки, прибегая к лексике с негативной оценочной коннотацией: *faibles taux de marge* ('низкий размер прибыли'), *gagnent très peu d'argent* ('зарабатывают очень мало денег'), *fatale* ('фатальный'), *ont perdu de nombreux clients* ('потеряли много клиентов'), *forte hausse du coût de l'énergie* ('резкий скачок стоимости энергии').

Тактика разоблачения истинных, по убеждению автора, намерений политической верхушки Франции, содержится в следующем фрагменте. Изначально автор статьи в предельно заострённом, утрированном виде сопоставляет ситуацию с безработицей в стране с ростом числа обвинений в сторону представителей власти: «*Ces dernières années, les baisses de droits de chômeurs sont encore plus fréquentes que les mises en examen de membres de la majorité...*» («В последние годы урезание прав безработных происходит даже чаще, чем обвинения членов большинства...»). Акцентируя внимание на бездействии чиновников, призванных защищать права безработных, автор прибегает к гастрономической метафоре: «*Et donc les partenaires sociaux français, qui sont à la défense des salariés ce que le pâté Henaff est au foie gras, chouinent à grosses larmes*» («И поэтому французские социальные партнёры, которые для защиты работников являются тем же, что паштет Henaff для фуа-гра, распускают нюни»). Эмоционально окрашенный фразеологизм *chouinent à grosses larmes* ('распускают нюни') также позволяет обличить группы «социальных партнёров» и создать образ бесполезного человека-нытика, не обладающего реальным правом голоса.

В следующем комментарии автор за счёт диалогизации монолога имитирует ситуацию неформального общения, вновь обращаясь к представителям социальных партнёрств: «*Mais vous allez faire quoi, les gars, comme on dit maintenant? Ben rien*» («Но что вы собираетесь предпринять, ребята, как сейчас принято выражаться? А ничего»). Вопросыответная форма высказывания транслирует категоричность позиции автора, а использование разговорной лексики ('les gars', 'quoi'), междометия *ben* и построение вопроса с помощью прямого порядка слов сближают читателя и журналиста, помогают более ясно и доходчиво донести основную мысль.

Тактика разоблачения комбинируется с **тактикой выхватывания «фактиков»**, когда автор вплетает в общий дискредитирующий контекст частное наблюдение – социальные партнёры в министерстве социальных дел только и делают, что пьют вкусный кофе, даже не пытаясь отстаивать интересы граждан: «*Mais vous, vous continuez à venir au ministère des affaires sociales – le café y est divin, c'est vrai – vous ne contestez rien, vous accompagnez*» («Но вы, вы же продолжаете приходить в министерство социальных дел – кофе там просто божественный, это правда – вы ничего не оспариваете, вы сопровождаете»). Избыточное употребление местоимения *vous* создаёт обезоруживающий эффект атаки на объектов дискредитации.

В основе следующего фрагмента также лежит **тактика разоблачения**, в ходе которой автор с помощью риторического вопроса, метафоры *mettre le pays en feu* ('заставить страну полыхать в огне') и *creuser la dette publique* ('копать государственный долг'), использованных в переносном смысле глаголов *creuser* ('копать') и *gratter* ('скрести', 'наскребать') демаскирует истинные, на его взгляд, результаты проводимой Эммануэлем Макроном политики: «*Creuser la dette publique à hauteur de 160 milliards pour, quelques mois plus tard, mettre le pays en feu pour gratter 7 milliards?*» («Выкопать государственный долг в 160 миллиардов, чтобы спустя несколько месяцев наскрести 7 миллиардов и заставить страну полыхать в огне?»). Продолжая дискредитировать имидж Эммануэля Макрона, автор разворачивает

метафорический образ «награждения» президента за «особые заслуги»: «*Le jury vous accorde la palme du cynisme*» («Жюри присуждает вам пальму первенства за цинизм»).

В основе следующего фрагмента – *тактика разоблачения*, по мере развёртывания которой автор ставит под сомнение искренность заявлений президента о справедливости на рынке труда и предвосхищает истинные последствия проводимой им в данной сфере политики: «*Parler de justice pour évoquer une potentielle mesure mineure: excellent!*» («Говорить о справедливости, чтобы обсудить потенциальную меру второстепенной значимости: отлично!»). Предлагаемые президента решения, по мнению автора, носят второстепенный характер и не способны затронуть большое количество работников: «*Une mesure qui, si elle est adoptée, ne concernera que très peu de salariés, qui n'a rien à voir avec les retraites, et qui ne diminue aucune égalité dans le pays: du grand art*» («Если эта мера и будет принята, то затронет лишь очень немногих работников. Она не имеет ничего общего с пенсиями и не снижает никакого равенства в стране: великое искусство»). В основе авторской дискредитации – создание иронического контекста посредством параллельных синтаксических конструкций и антифразиса («*excellent!*», «*du grand art*»).

Заявления президента о стремлении установить справедливость в обществе высмеиваются и опровергаются автором статьи, поскольку не соответствуют действительности, в которой бедные и безработные прозябают в самом низу социальной пирамиды и постоянно терпят унижения со стороны государства: «*Accabler les plus pauvres au nom de la justice: génie!*» («Подавлять самых бедных во имя справедливости: гениально!»). Эффект разоблачения становится возможным за счёт употребления эмоционально окрашенного глагола *accabler* ('подавлять', 'угнетать') и антифразиса *génie!* (гениально!).

Далее автор продолжает развивать *тактику разоблачения* совместно с *антиимиджевой тактикой*, в ходе которой ссылается на сложившиеся в

обществе представления об Эммануэле Макроне как о «президенте богачей и собственников» (*«président des riches et des rentiers»*): *«Alors les gens qui vivent bien sans travailler, cela a un nom, ce sont les **rentiers** comme les propriétaires de logement **que vous aimez tant**. Pas les personnes au RSA qui survivent à peine»* («Итак, люди, которые хорошо живут, не работая, называются «рантье» – это те самые собственники жилья, которых вы так безмерно любите. А никак не те люди, которые сидят на пособиях и едва сводят концы с концами»). Автор также подкрепляет свою позицию обращением (без ссылки на конкретный источник) к таким фактам и мнениям, которые, на его взгляд, могут возыметь определённый вес и заслужить авторитет в глазах читателя: *«De plus, conditionner le versement du RSA à une activité, c’est aboutir à ce que des personnes reçoivent un salaire horaire inférieur de moitié à celui du Smic. Et cela a été condamné par toutes les associations qui connaissent le sujet»* («Кроме того, привязка выплаты пособия к работе приводит к тому, что люди получают почасовую заработную плату, вдвое меньшую, чем МРОТ. И это было осуждено всеми ассоциациями, знакомыми с данным вопросом»).

Тактика создания образа мнимого защитника общественных интересов прослеживается в следующем фрагменте на уровне всего текста и направлена на противопоставление двух политических деятелей – председателя правительства Испании (на момент публикации статьи) Педро Санчеса и президента Франции Эммануэля Макрона. Первому приписывается положительный образ «общественного защитника» и благодетеля, в то время как второму, соответственно, достаются все противоположные качества. В самом заголовке статьи Педро Санчес обозначается как полный антипод Макрона – *«Pedro Sánchez, l’anti-Macron»* («Педро Санчес, анти-Макрон»). Далее автор статьи называет проводимые Санчесом изменения «политикой социального прогресса» (*«une politique de progrès social»*) и в качестве доказательства перечисляет конкретные результаты, достигнутые за счёт проведения грамотной налоговой политики,

а именно: повышение размера заработной платы с 730 до 1000 евро, снижение цен на электроэнергию, универсализация процедуры получения медицинского страхования и др. Несмотря на повышение налогов, ни государственный дефицит, ни государственный долг в Испании не превысили показатели, характерные для Франции (*«Ni le déficit public ni la dette publique n'ont plus augmenté en Espagne qu'en France ces dernières années»*), а доля занятости населения осталась на том же уровне, на котором была в допандемийную эпоху. Наряду с этим, в статье упоминается прецедентный случай, когда ряд европейских политиков, в том числе Эммануэль Макрон, отказались предоставить убежище 629 мигрантам, находящимся на «Аквариусе», судне организации SOS Méditerranée, в отличие от Педро Санчеса (*«Lors de sa première investiture, ses deux premières décisions furent d'avoir une majorité de femmes dans son gouvernement et d'accueillir l'Aquarius <...> à qui le ministre italien de l'Intérieur d'extrême droite Matteo Salvini, puis Emmanuel Macron, avaient refusé la possibilité d'accoster sur leurs côtes»*).

В качестве дополнительного тактического приёма автор применяет **тактику дискредитирующего побуждения**, выраженную в косвенной форме в виде **совета**: *«Un exemple à suivre pour la gauche européenne»* («Это пример для подражания для европейских левых»), который, безусловно, относится и к президенту Франции. Подать информацию в косвенной, завуалированной форме позволяет метонимия, в основе которой закладывается перенос с целого на часть: *la gauche européenne – Emmanuel Macron*. Конечное предложение формулируется в форме скрытого совета-побуждения при помощи риторического вопроса, в котором автор выражает свою надежду на то, что образ Педро Санчеса станет показательным для всех европейских «левых» политиков (в том числе французских): *«Laïc, social, défenseurs des femmes et des migrants: et si avec Pedro Sánchez, la gauche européenne avait enfin un bon exemple à faire valoir auprès de ses électrices et électeurs?»* («Человек светский, социальный, защитник женщин и мигрантов:

а что, если европейские левые, подобно Педро Санчесу, наконец-то обратят внимание на своих избирателей?»).

Подзаголовок следующего фрагмента носит название «*Chérie, j'ai découvert la terre*» («Дорогая, я открыл для себя землю»), что является аллюзией на серию популярных в 1990-е гг. американских комедийных фильмов «*Chérie, j'ai rétréci les gosses*» («Honey, I Shrank The Kids») и «*Chérie, j'ai agrandi le bébé*» («Honey, I Blew Up The Kid»). Далее в качестве аргумента для имплементации **тактики создания образа мнимого защитника общественных интересов** приводится ряд научных трудов, посвящённых экологическим проблемам, которые датируются 1972, 2014 и 2018 гг. По убеждению автора, президента мало волнует реальное состояние нашей планеты («война за редкие металлы», конфликты, связанные с доступом к пресной воде), поскольку о существующих проблемах он заговорил относительно недавно: «*C'est à propos des terres rares, des matières et de l'eau, qui, vous le notez, viennent en dernier dans sa pensée, que le propos du Président est le plus consternant*» («Именно слова президента в отношении редкоземельных элементов, сырья и воды, которые, заметьте, у него в мыслях находятся на последнем месте, вызывают наибольшее беспокойство»). Данная тактика способствует усилению эмоционального воздействия путём обращения к животрепещущим вопросам. Этот эффект подкрепляется за счёт использования эмоционально окрашенного прилагательного *consternant* в превосходной степени ('вызывающий беспокойство', 'приводящий в ужас') и конструкции мониторинга мысли *vous le notez* ('заметьте', 'обратите внимание').

Дискредитация на основе **тактики развёртывания метафорического образа** «правительство-торговля» представлена в следующем фрагменте: «*On n'a pas encore fêté la Saint-Sylvestre qu'Élisabeth Borne lance déjà les soldes. Comme dans les magasins, les chiffres sont arbitraires. Pourquoi 6 % ? Pourquoi 40 % ? Personne ne sait*» («Не успели мы отпраздновать Новый год, а Элизабет Борн уже запустила распродажи. Как и в магазинах, цифры

произвольные. Почему 6%? Почему 40%? Никто не знает»). Автор данного высказывания, излагая свою мысль в вопросоответной форме, обращает внимание читателя на то, как цифры, определяющие сокращение сроков и сумм выплат пособий, подобно ценам в магазине, возникают произвольно в головах политиков и не подкрепляются никаким легальным обоснованием. Далее автор, наряду с представителями правительства, при помощи ряда отрицательных конструкций обличает и безразличие тех журналистов, которые не осмеливаются задавать насущные вопросы политикам прямо в лоб: «*Le gouvernement ne produit aucune étude, mais il aurait tort de se fatiguer, aucun journaliste ne lui demande, vive la République, vive le n'importe quoi, et vive la France*» (« Правительство никак не исследует этот вопрос, да и зачем напрягаться, когда ни один журналист не задаёт вопросов. Да здравствует Республика, да здравствует не пойми что, и да здравствует Франция»). В конце предложения приводится серия известных французских патриотических лозунгов, среди которых выделяется авторское «*vive le n'importe quoi*». Таким образом, журналист, воздействуя на эмоциональный фон читателя, дискредитирует текущее правительство, которое подрывает сложившиеся в стране многовековые ценности и ведёт французскую нацию в никуда.

Прямые социально ориентированные тактики менее употребимы в журнале «Charlie Hebdo». Среди них наибольшую продуктивность показала **тактика создания антиимиджевого образа** (6 случаев употребления), которая прослеживается в тексте следующей статьи. Автор апеллирует к представлениям читателя о настоящем лидере государства, в которые совсем не вписывается президент-лжец: «*Un Président ne devrait pas mentir comme ça*» (« Президент не должен столько лгать»). Сближение на одном семантическом отрезке таких приёмов, как антифразис, антитеза и синтаксический параллелизм, позволяют автору иронично подчеркнуть мысль о том, что Эммануэль Макрон обладает исключительно негативными качествами: «*Vous avez donc de nombreux points faibles. Cependant, vous avez*

deux vrais points forts, le mensonge et le cynisme» («Так что у вас много слабых мест. Но есть у вас и две по-настоящему сильные стороны: ложь и цинизм»).

В следующей статье автор при помощи *антиимиджевой тактики* интерпретирует официальные заявления Элизабет Борн, которые, по его мнению, не соответствуют сложившимся в обществе представлениям о том, как политик такого уровня должен излагать свои мысли: «*Une Première ministre ne devrait pas dire ça*» («Премьер-министр не должна так говорить»), «*C'est tout de même très faux de dire cela*» («Все-таки очень неправильно так говорить»), «*Comment une femme aussi sérieuse peut-elle mentir à ce point?*» («Как такая серьезная женщина может лгать до такой степени?»). Оценивая смысловое наполнение высказываний премьер-министра, автор определяет их как попытку безосновательно внушить страх людям, намеренно заставить их ещё больше беспокоиться о завтрашнем дне. Для этого он нередко прибегает к лексическим единицам со значением «запугивать»: *alimenter des peurs, nourrir des peurs* ('питать страхи'), *agiter des épouvantails* ('размахивать чучелами'), а также в ироничной форме выделяет нежелание Борн нести ответственность за свои решения: «*Une drôle de conception de la «responsabilité»* ('Забавная концепция «ответственности»').

В следующем текстовом фрагменте *антиимиджевая тактика* разворачивается одновременно с *тактиками создания образа «тёмного прошлого» и «тёмного настоящего»*. Автор взывает к такому психологическому аспекту человеческого сознания, как эмпатия, которой, по его мнению, лишена Элизабет Борн: «*Par ailleurs, comment parler de «crise Covid» sans évoquer les 160 000 personnes décédées, les étudiants à l'avenir brisé, les personnes qui n'ont pu enterrer leurs parents ou enfants emportés par la pandémie?... La froideur qu'a dégagée Élisabeth Borne au moment où elle a balayé ces sujets, secondaires à ses yeux face au pathétique épouvantail du tout petit déficit financier futur du système de retraites, m'a glacé le sang*» («С другой стороны, как можно говорить о санитарном кризисе, не упоминая о 160 000 умерших, о студентах с разрушенным будущим, о людях, которые не смогли

похоронить своих родителей или детей, выкошенных пандемией?... Та бесчувственность, с которой Элизабет Борн отзывалась на эти темы, второстепенные в её глазах перед жалким страхом от грядущего ничтожно крошечного дефицита пенсионной системы, леденила мою кровь»). Говоря о последствиях недавнего прошлого, вызванных пандемией коронавируса, и о своих впечатлениях от высказываний премьер-министра, автор рисует неутешительную картину настоящего, прибегая к лексике со значением «смерть» и «разрушение», например, *décédées* ('умершие'), *emportés* ('унесённые', 'выкошенные'), *enterrer* ('хоронить'), *l'avenir brisé* ('разрушенное будущее'), а также к другим эмоционально окрашенным словам и выражениям, в частности, *froidueur* ('бесчувственность', 'холодность'), *tout petit déficit financier* ('крохотный финансовый дефицит'), *pathétique épouvantail* ('жалкое пугало') и метафоре *glacer le sang* ('леденить кровь'). Данные лексические средства языка позволяют создать бесчеловечный образ премьер-министра и вызвать отвращение к её персоне.

На примере следующей статьи рассмотрим способы реализации **тактики обманутого ожидания**. В данном случае дискредитация направлена на Эммануэля Макрона и вводится в форме напоминания: «*On peut faire plusieurs lectures de ces **tristes événements**. La première est de **rappeler que, contrairement à ses engagements de 2017, Emmanuel Macron n'a pas mis en œuvre la «flexicurité» dont il s'était fait le héraut, et qui se résume par la formule «des licenciements plus faciles en échange d'un meilleur soutien aux personnes privées d'emploi»*** («Можно по-разному взглянуть на эти печальные события. Во-первых, следует напомнить, что, вопреки своим обязательствам 2017 г., Эммануэль Макрон не претворил в жизнь «гибкую и устойчивую» модель рынка труда, о которой он так громко говорил, и которая сводится к формуле «облегчение увольнений в обмен на лучшую поддержку людей, оставшихся без работы»). Соположение на одном отрезке текста неравнозначных оценочных выражений *tristes événements* ('печальные события') и *il s'était fait le héraut* ('громко заявлял' – прим. о грядущих положительных изменениях)

позволяет максимально подчеркнуть очевидные несоответствия между громкими обещаниями президента и его реальными действиями, что создаёт мощный смысловой контраст.

Единственная формулировка, которая была осуществлена, в действительности, по мнению автора статьи, «не стоит ничего» («*ne coûte rien*»): «*Seule la première partie de la formule, celle qui **ne coûte rien**, a été mise en œuvre, avec les **atroces** ordonnances Pénicaud dont la ministre elle-même disait qu'elles allaient **accroître la précarité**, puisqu'elles visaient à **diminuer la protection des salariés contre le risque d'être licenciés**» («Была реализована только первая часть формулировки, та, которая ничего не стоит, с отвратительными постановлениями Пенико, которые, по словам самого министра, только «усилят нестабильность», поскольку направлены на снижение защиты наёмных работников от риска быть уволенными»). Продемонстрировать неутешительные последствия принимаемых правительством Макрона решений удаётся благодаря вплетению в общий контекст таких эмоционально окрашенных и оценочных слов и выражений, как *atroces ordonnances* ('отвратительные постановления'), *accroître la précarité* ('увеличить нестабильность'), *diminuer la protection des salariés* ('сократить защиту наёмных работников').*

В рамках следующей статьи, направленной на дискредитацию Эммануэля Макрона, прослеживается **тактика восстановления целостности Я-образа**. Так, автор взывает к осознанности читателей не только по отношению к их политическим воззрениям, но также и к вопросам сверхпотребления: «*Enfin, ce que rappellent ces **tristes** histoires, c'est que ce sont nous les consommateurs qui façonnons le monde par nos **dérisoires** achats. Si c'est pour acheter moins de trucs neufs, et plus d'occasion, c'est très bien. Mais si c'est pour nourrir les profits de **l'absurde** industrie de «l'ultra fast fashion» dont l'enseigne Shein est l'exemple emblématique, quitte à polluer définitivement des pays africains avec nos **merdes**, bon...*» («Наконец, эти печальные истории напоминают нам о том, что именно мы, потребители, формируем этот мир

своими ничтожными покупками. Если приобретать меньше новых и больше подержанных вещей, то это нормально. Но если это для того, чтобы кормить прибылью абсурдную индустрию «сверхбыстрой моды», символическим примером которой является бренд Shein, даже ценой постоянного загрязнения африканских стран нашим барахлом, что ж...»). Достижению данной цели способствуют перифрастическая номинация *méchant consommateur-roi* ('злой король-потребитель'), которая содержится в подзаголовке фрагмента, а также вульгаризм *merdes* ('барахло', 'дерьмо'), эмоционально окрашенные лексемы *dérisoires* ('ничтожные'), *absurde* ('абсурдная'), метафора *nourrir les profits* ('кормить прибылью') и такой приём, как умолчание в самом конце предложения.

Далее автор прибегает к **тактике восстановления целостности Я-образа**, апеллируя к чувству собственного достоинства читателей посредством использования условного предложения: «*À ce bon sens, Macron vous rétorquerait que vous ne comprenez rien à l'optimalité du marché, celle qui nous garantissait cette «disponibilité perpétuelle»* («На эту здравую мысль Макрон возразил бы, что вы ничего не понимаете в рыночной оптимальности, которая гарантировала нам эту «постоянную доступность»»). Тем самым создаётся образ потенциальной ситуации, в которой Макрон якобы подчёркивает невежество простых людей, ничего не смыслящих в оптимизации экономики.

Прямые тактики перепрограммирования не показали большой продуктивности в рамках исследуемого типа дискурса. Так, наиболее употребимой в журнале «Charlie Hebdo» оказалась **тактика создания образа «похорон»** (5 случаев употребления). Развёртывание данной тактики можно проследить на примере фрагмента из следующей статьи, в которой дискредитация начинается с подзаголовка «*À mort l'État*» («К смерти государства»). Автор определяет проводимую Эммануэлем Макроном экономическую политику как «смертоносную», разрушительную, ведущую к фатальным последствиям. Отсутствие доверия общественности по

отношению к Эммануэлю Макрону также подкрепляется высказываниями, в которых президента обвиняют в бесконтрольном финансовом покровительстве компаний и отказе введения налога на сверхприбыль («...avec ses dizaines de milliards filés aux entreprises chaque année sans contrepartie ni contrôle, auquel il ne va surtout pas renoncer, et avec son refus de toute nouvelle taxe...»). Самому президенту при помощи метафоры присваивается ярлык «убийцы», который собственноручно «копает могилу государству» («*Macron continue à creuser la tombe de l'État*»).

Опровергая целесообразность вводимой правительством Эммануэля Макрона пенсионной реформы с точки зрения сокращения дефицита, автор следующей статьи при помощи **тактики создания образа «похорон»** делает акцент на её бессмысленности и деструктивности: «...*La réforme des retraites ne permettra que 7 milliards d'euros d'économie – et ce, sans prendre en compte la hausse des dépenses d'assurance-chômage et de RSA des personnes qui seront sans emploi à la fin de leur carrière, ni la hausse des dépenses de santé causée par les corps que vous avez décidé d'abîmer encore plus qu'ils ne le sont aujourd'hui* <... > *Nous faire pleurer avec le déficit que vous creusez comme personne: trop bien*» («Пенсионная реформа позволит сэкономить всего 7 миллиардов евро – и это без учета повышения расходов на страхование по безработице и пособия для людей, которые останутся без работы ближе к концу своей карьеры, или растущих расходов на здравоохранение, обусловленных телами, которые вы решили губить всё больше и больше <... > Заставлять нас плакать из-за дефицита, который вы как никто другой копаете собственными руками: просто замечательно»). Данная тактика базируется на использовании лексических средств со значением «смерть», «убиение», «погребение», в частности, метонимический перенос *les corps* ('тела', 'трупы'), подразумевающий всех французов в целом, а также эмоционально окрашенные глаголы *abîmer* ('губить', 'разрушать') и *creuser* ('копать'). Создать ощущение близкого конца и усилить общую дискредитирующую направленность комментария также способствует сравнительный оборот

comme personne ('как никто другой'), соположение наречий *encore* и *plus* и употреблённый в целях иронии антифразис «*trop bien*» («просто замечательно») в самом конце высказывания.

Таким образом, наиболее употребимыми в контекстах журнала оказываются следующие прямые тактики дискредитации: тактика создания образа тёмного «настоящего» и её разновидности (17 контекстов), а также демаскировка (14 контекстов). Наименьшую продуктивность показали этикетная тактика (2 случая употребления) и тактика наклеивания ярлыков (3 случая употребления).

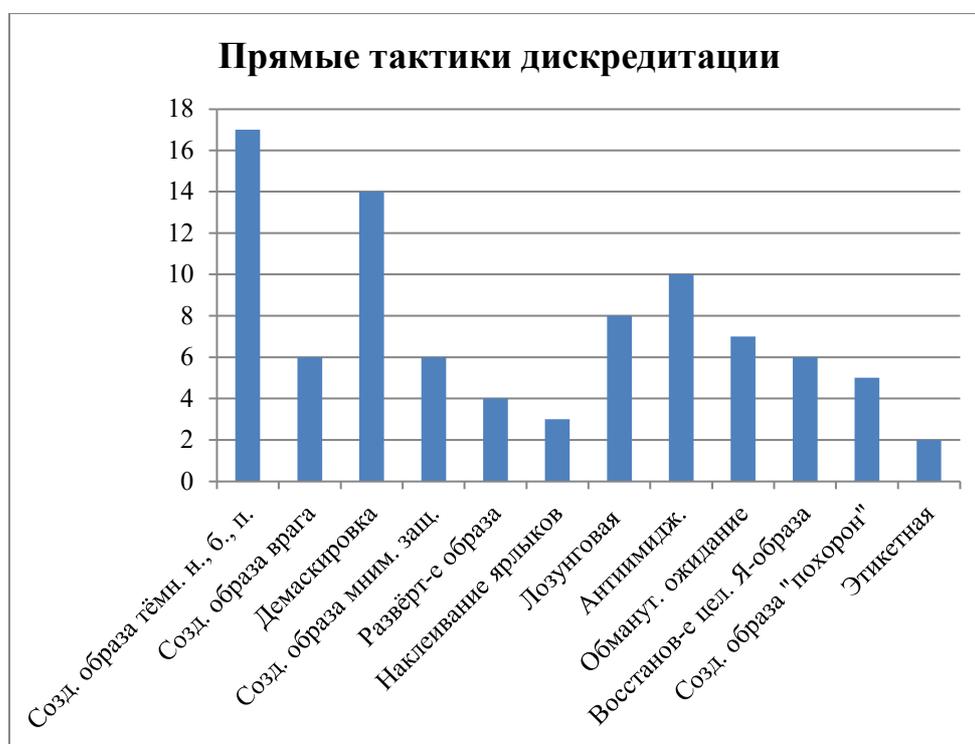

Рис. 4. Прямые тактики дискредитации в журнале «Charlie Hebdo»

На лексико-фразеологическом уровне прямые тактики реализуются, в первую очередь, за счёт использования большого количества эмоционально-окрашенной лексики. Среди синтаксических языковых средств преобладают риторические вопросы, параллельные конструкции и антитеза.

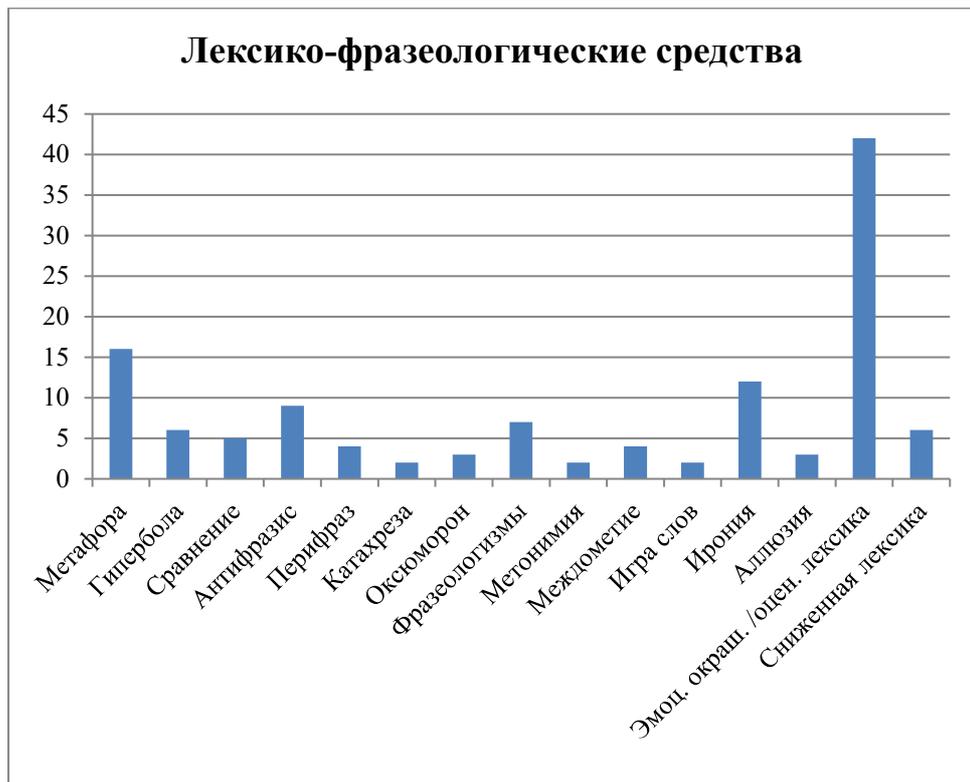

Рис. 5. Лексико-фразеологические средства реализации прямых тактик дискредитации в журнале «Charlie Hebdo»

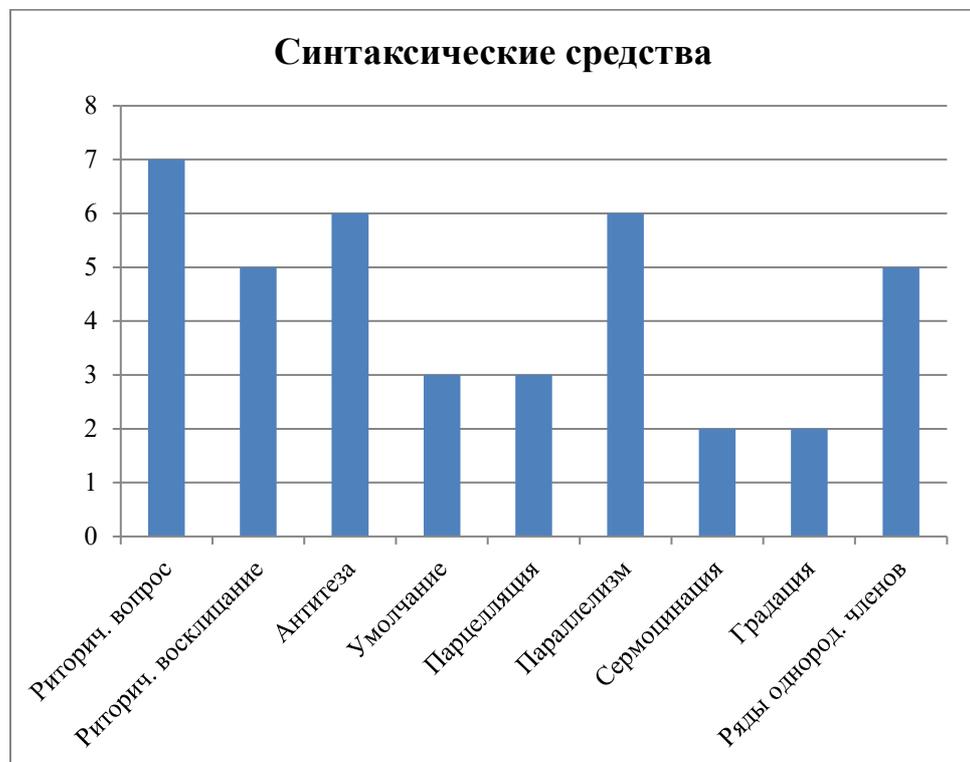

Рис. 6. Синтаксические средства реализации прямых тактик дискредитации в журнале «Charlie Hebdo»

2.3. Косвенные дискредитирующие тактики

Косвенные тактики дискредитации, как правило, наиболее употребимы в рамках небольших текстовых фрагментов, поэтому нередко выступают в качестве вспомогательных тактических ходов.

Наибольшей продуктивностью в рамках журнала обладает такая косвенная дискредитирующая тактика, как «ловушка на противоречиях» (13 контекстов). Примером реализации данной тактики может служить реакция журналиста на высказывание Эммануэля Макрона, опубликованная в регулярной рубрике журнала «Le crétinisier de la semaine» («Глупец недели») под заголовком «Égalité homme-femme» («Равенство мужчин и женщин»). Перед этим приводится прямая цитата президента в ответ на вопрос молодой девушки о том, почему он назначил на руководящие должности в своём правительстве мужчин, обвиняемых в изнасилованиях и сексуальных домогательствах: *«La libération de la parole, je l'ai accompagnée et je continuerai de l'accompagner, de la protéger. En même temps, pour fonctionner en société, vous devez avoir de la présomption d'innocence»* («Я всегда выступал за свободу слова и продолжу её защищать. В то же время, чтобы функционировать в обществе, вам необходима презумпция невиновности»). В данном контексте речь идёт о поездке президента в Гарн, в ходе которой старшеклассница спросила о присутствии в правительстве Дамьена Абада (министра по вопросам соц. защиты) и Жеральда Дарманина (министра внутренних дел), обвинённых в сексуальном насилии. Несмотря на то, что президент подчёркивает необходимость борьбы с насилием в отношении женщин, он назначает на должности министров людей, обвинённых в сексуальных домогательствах и избежавших наказания.

Цитата президента сопровождается комментарием автора в форме риторического вопроса: *«Sans la présomption d'innocence, comment voulez-vous former un gouvernement paritaire?»* («Без презумпции невиновности, как вы хотите сформировать паритетное правительство?»). Тем самым

подчёркивается, что абсолютного равенства между мужчинами и женщинами добиться не получится, пока президент, выказываясь о необходимости борьбы за равные права, говорит о презумпции невиновности и открыто игнорирует подобный прецедент.

В следующем примере тактика **«ловушка на противоречиях»** призвана дискредитировать Элизабет Борн в лице общественности. Автор изначально цепляется за твит политика от 28.02.2021 – *«Je suis une femme de gauche. La justice sociale et l'égalité des chances sont les combats de ma vie. Et c'est en @EmmanuelMacron que j'ai trouvé leur meilleur défenseur»* («Я женщина левых взглядов. Социальная справедливость и равные возможности – это борьба всей моей жизни. И именно в лице @EmmanuelMacron я нашла лучшего защитника») и впоследствии интерпретирует в нужном ему ключе. Так, по мнению автора, хотя Борн и относит себя к «левым», предпринимаемые ей решения (в частности, относительно пособий по безработице) противоречат высказываниям об её идеологической принадлежности. Диалогизация комментария в вопросоответной форме, разговорный стиль и ироничная оболочка высказывания автора текста позволяют добиться инициальной дискредитирующей интенции: *«Bon, en tous cas, moi je la crois Élisabeth, quand elle parle d'équité. Et vous savez pourquoi? Parce qu'elle est une femme de gauche»* («Ну, в любом случае, я верю Элизабет, когда она говорит о справедливости. И знаете почему? Потому что она женщина левых взглядов»).

Тактика **«ловушка на противоречиях»** также применяется журналистом в комментарии к высказыванию Жеральда Дарманена: *«Monsieur Jourdain de la xénophobie: «Je ne fais pas le lien entre immigration et délinquance, mais une partie des étrangers, dans les grandes métropoles, commettent l'essentiel des actes de délinquance ». Je ne dirais pas "on est chez nous", mais c'est quand même là qu'on est»* («Г-н Журден о ксенофобии: «Я не вижу связи между иммиграцией и правонарушениями, но некоторые иностранцы в крупных городах совершают большинство правонарушений»).

Не хотел бы говорить, что «это как раз наш случай», но, тем не менее, так и есть»). Сама цитата оформлена таким образом, что в качестве её автора указывается не сам политик, а вымышленный персонаж – главный герой комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» Господин Журден. Данная литературная аллюзия позволяет создать негативный портрет политика и дискредитировать его личность. Господин Журден, мещанин незнатного происхождения, в погоне за дворянским титулом и властью над другими людьми лишается всех своих положительных качеств. Так же и Жеральд Дерманен, сын управляющего баром и консьержки, «выбившись в люди», успел подорвать свою репутацию и не вызывает уважения в лице автора статьи. Данная аллюзия становится возможной также за счёт эвфонии – созвучия фамилии президента и героя комедии (*Jourdain – Darmanin*). Хотя сам политик и не делает прямых и резко категоричных заявлений в своём высказывании, для журналиста эта цитата (а именно – конструкция «*Je ne fais pas le lien..., mais...*») становится «зацепкой», которая акцентирует внимание на противоречивости высказывания политика и дискредитирует его. Для этого также применяется такой тактический ход, как «домысливание» за счёт сермоцинации, когда реальное высказывание как бы получает продолжение, в котором выражается авторская интерпретация слов политика («*Je ne dirais pas «on est chez nous», mais c'est quand même là qu'on est*»).

Большой продуктивностью (12 контекстов) обладает **тактика дискредитирующего побуждения**, которая, как правило, используется в рамках другой, более глобальной тактики. Она существует в различных формах, в частности, в форме предложения, совета, напоминания и др. Так, например, следующий комментарий базируется на **тактике косвенного дискредитирующего предложения**. Изначально автор вступает в диалог с Эммануэлем Макроном, якобы соглашаясь с его высказываниями, после чего приводит несколько потенциальных решений целого ряда социально-экономических проблем, которые сам президент не то чтобы не пытается воплотить в жизнь, но даже и не озвучивает: «*Là où vous avez raison, c'est*

qu'il n'y a pas trente-six solutions pour financer les retraites, mais sans doute encore plus. Citons par exemple: l'égalité salariale femme-homme, qui accroîtrait les recettes de la Sécurité sociale; la hausse des salaires; la garde d'enfants gratuite, pour permettre aux parents de plus travailler; l'amélioration massive des conditions de travail; le plafonnement des retraites les plus élevées; l'accès des personnes venant de pays extérieurs à l'UE aux emplois qui leur sont actuellement fermés...» («В чём Вы правы, так это в том, что решений по финансированию пенсий не тридцать шесть, а, наверное, даже больше. Например, равная оплата труда мужчин и женщин, которая увеличит доходы социального обеспечения; повышение заработной платы; бесплатный уход за детьми, чтобы родители могли больше работать; массовое улучшение условий труда; ограничение самых высоких пенсий; доступ к рабочим местам для людей из стран, не входящих в ЕС, который в настоящее время для них закрыт...»). Данный тактический приём за счёт бессюжного введения целого ряда однородных членов предложения позволяет читателю сквозь призму потенциально действенных решений обратить внимание на реальное положение дел в стране.

В основе следующего фрагмента лежит **тактика дискредитирующего предложения**. Автор строит свои высказывания, опираясь на осведомлённость читателей о запятнанной репутации Адриена Катеннана, депутата Национального собрания и члена партии LFI, который становится объектом дискредитации. В качестве «зацепки» используется цитата некоторого депутата партии LFI: *«Son objectif maintenant pour tourner la page, c'est de se faire discret tout en étant bosseur, peut-être d'écrire un livre pour raconter ce qu'il a vécu»* («Сейчас, чтобы начать всё с чистого листа, ему необходимо вести себя сдержанно и много работать, возможно, написать книгу, чтобы рассказать, через что он прошёл»). Последующий авторский комментарий предвосхищает ироническая перифрастическая номинация *«le poète maudit»* («проклятый поэт»), которая является продолжением заложенной в цитате литературной тематики. Сам комментарий строится как

ироническое предложение, сформулированное в форме настоящего времени условного наклонения, и содержит *дискредитирующий намёк*, который реализуется при помощи сарказма. Автор как бы одобряет идею депутата о написании книги о судьбе Катеннана и даже даёт ей развёрнутое название: «*Ça pourrait s'appeler Les Mains courantes sales, l'histoire d'un jeune bourgeois militant révolutionnaire dans la tourmente*» («Она могла бы называться «Грязные поручни, история о молодом буржуа, воине-революционере, оказавшемся в трудном положении»).

Третьей по частотности использования (8 случаев употребления) является *тактика выхватывания «фактиков»*, которая чаще всего комбинируется с рядом других тактик (в частности, тактикой разоблачения и стилизации) и выступает в качестве вспомогательной. Применение данной косвенной тактики обособленно можно проследить на примере реакции, взятой из регулярной рубрики журнала – «*Le crétinisateur de la semaine*», в которой дискредитация построена на сопоставлении образов премьер-министра Франции Элизабет Борн и президента Эммануэля Макрона: «*A propos d'Élisabeth Borne: «Elle ne partage pas le même goût pour les choses de la vie. Elle ne sirote pas un whisky tourbé comme Emmanuel Macron, mais des smoothies. Elle n'est pas branchée Tour de France ou Audiard». Elle n'a pas l'air non plus du genre à faire des vidéos avec McFlyet Carlito*» («У них разные вкусы на жизнь. Она не потягивает «торфяной» виски, а предпочитает смузи. Она не слыхала о «Тур де Франс» и Одиаре. Она также не похожа на тех, кто снимает видео с Макфлаем и Карлитом»).

Автор данной реакции затрагивает подробности частной жизни политиков (в частности, употребление алкоголя), ссылаясь даже не на экспертное мнение, а на комментарий одного из «приближённых к Елисейскому дворцу», имя которого не уточняется. Такие лексические и синтаксические средства языка, как фамильярный тон высказывания, употребление разговорного глагола *siroter* ('потягивать'), а также синтаксический параллелизм и анафора позволяют создать контраст между

образами двух политиков, одновременно подчеркивая как ограниченность интересов премьер-министра, так и нелепость попыток взаимодействия президента с ютуберами в целях привлечения молодой аудитории.

Примером развёртывания такой тактики, как дискредитирующей намёк, является комментарий журналиста «*Les calculs d'apothicaire, ce sont les juges qui s'occupent de ses frais de campagne qui les font*» («Сложные подсчёты ведут судьи, которые занимаются расходами на его предвыборную кампанию») на высказывание Николя Саркози по поводу «истории успеха» действующего президента Эммануэля Макрона: «*Je ne fais pas de calculs d'apothicaire. Il a été réélu, moi je n'y suis pas arrivé même si c'était de peu*» («Я не веду сложные подсчёты. Его переизбрали, у меня же это не получилось, хоть преимущество (оппонента) и было незначительным»). Фраза Саркози «*calculs d'apothicaire*» представляет собой видоизменённое устойчивое выражение «*compte d'apothicaire*» («сложные запутанные подсчёты, которые очень трудно проверить»), на которое ссылается журналист, говоря о финансовых махинациях бывшего президента и подкупах судей во время президентских выборов 2012 г.

В следующем фрагменте автор применяет данную тактику, «цепляясь» за общеизвестный факт – очевидное покровительство Элизабет Борн и всего макроновского правительства привилегированных слоёв общества: «*...Et ce alors que, par ailleurs, je laisse s'effondrer les services publics tout en faisant s'envoler la dette publique par mes cadeaux aux riches et aux entreprises. Mais cette dette-là, la Première ministre la trouve trop bien – alors que le seul paiement des intérêts nous a coûté 40 milliards l'an dernier, soit le budget du ministère de la Défense nationale*» («...И в то же время я позволяю государственным службам рушиться, одновременно увеличивая государственный долг за счёт раздаваемых мной подарков богачам и коммерческим предприятиям. Но этот долг премьер-министр находит очень даже приемлемым, в то время как только уплата процентов в прошлом году обошлась нам в 40 миллиардов, то есть во весь бюджет Министерства национальной обороны»). Одновременно

подчеркнуть фаворитизм премьер-министра в отношении богатых и безразличие к проблемам государственного масштаба способствуют эмоционально окрашенная лексика, в частности, глаголы *s'effondrer* ('рушиться', 'обваливаться') и *s'envoler* ('взлетать', 'подскакивать'), ирония «*cette dette-là, la Première ministre la trouve trop bien*» и сермоциация – имитация речи Элизабет Борн от первого лица.

Тактика переакцентирования чаще всего применяется в качестве вспомогательной и нередко выступает в сочетании с **тактикой создания образа «тёмного будущего»**. В следующем примере данная комбинация тактик разворачивается в рамках комментария к высказыванию Эммануэля Макрона, в котором президент рассуждает о «корнях» дефицита в стране: «*La formule magique, qui est implicitement le projet de toutes les oppositions, c'est le déficit. Or qu'est-ce que le déficit? Vous choisissez de faire payer vos enfants, parce qu'aujourd'hui vous refusez de décider avec clarté et courage*» («Волшебная формула, которая косвенно лежит в основе всякой оппозиции, завязана на дефиците. Но в чём заключается дефицит? Вы выбираете заставить ваших детей платить, потому что сегодня отказываетесь разумно и смело принимать решения»). Опираясь на известные ему сведения, автор посредством гиперболизации предлагает свою интерпретацию событий: «*Votre majorité a voté à l'automne dernier un déficit du budget de l'État de 160 milliards d'euros pour cette seule année 2023. Basé sur des hypothèses «optimistes», ce budget est faux: le 31 décembre, le déficit sera encore plus élevé...*» («Осенью прошлого года большинство проголосовало за дефицит государственного бюджета в размере 160 миллиардов евро только на 2023 г. Основанный на «оптимистических» прогнозах, этот бюджет неверен: 31 декабря он будет ещё выше»).

Следующий контекст также демонстрирует применение **тактики переакцентирования**, по мере развития которой автор в эксплицитной манере интерпретирует высказывание Элизабет Борн о сущности проводимой пенсионной реформы: «*Elisabeth Borne l'a martelé: sa réforme des*

*retraites est «juste, équilibrée et en faveur du progrès social». Bon, elle n'allait pas dire qu'elle était injuste, déséquilibrée et réactionnaire, même si cela aurait égayé le pénible débat actuel» («Элизабет Борн вбила нам это в голову: её пенсионная реформа «справедлива, сбалансирована и направлена на достижение социального прогресса». Что ж, не скажет же она, что реформа несправедлива, несбалансирована и реакционна, хотя это бы скрасило эти мучительные дебаты»)). Введение ряда антонимов и синтаксический параллелизм, лежащий в основе построения предложений, позволяют автору переставить необходимым ему образом акценты и преподнести абсолютно противоположный взгляд на реформу. Помимо этого, обращение к эмоционально окрашенным лексемам *marteler* ('вбить в голову', 'втетьмяшить'), *égayer* ('увеселить', 'скрасить'), *le pénible débat* ('мучительные дебаты') позволяет выразить негативное отношение к проводимым изменениям.*

Тактика создания дискредитирующих контекстов (самокомпрометация) представлена в следующем примере. Изначально автор отбирает цитату Жан-Люка Меланшона, в рамках которой политик высказывается в поддержку Адриана Катеннана, депутата Национального собрания, ранее осуждённого на 4 месяца за насилие в отношении своей супруги: «*Adrien Quatennens a été longuement <...> puni. Et pas que lui. Nous. Parce que nous, depuis cinq mois on ne peut pas faire une interview, on ne peut pas faire une rencontre, sans être obligé de parler de ce sujet*» («Адриан Катеннан был подвергнут длительному <...> наказанию. И не только он. Мы. Потому что уже пять месяцев не можем дать интервью, не можем назначить встречу, не будучи вынужденными говорить на эту тему»)). Далее слова Меланшона интерпретируются как попытка надеть на себя судейскую мантию и умалить преступление Катеннана, что позволяет передать перифрастическая номинация «*juge à la Cour suprême de LFI*» («судья Верховного суда от LFI»), которая предвосхищает саму цитату. Дальнейший комментарий строится на основе **тактики дискредитирующего**

побуждения, представленной в форме *напоминания*, в котором автор даёт понять, что назначенный Катеннану реальный приговор уже был вынесен судом и не нуждается в оспаривании со стороны не компетентного в данном вопросе человека: «*Rappelons à Jean-Luc Mélenchon que Quatennens n'a pas été puni, mais condamné*» («Напомним Жан-Люку Меланшону, что Катеннан был не наказан, а осуждён»).

В следующем фрагменте автор использует *тактику приглашения к совместно размышлению*, при помощи которой транслирует свою точку зрения: «*À votre avis, une vendeuse à 1 300 euros nets par mois pendant 20 ans chez San Marina, elle part avec combien, le jour où la boîte se casse la gueule, hum?... J'ai fait les calculs, dans ce cas, ça fait 7 583 €. De quoi prendre un fabuleux nouveau départ dans la vie, hein...*» («Как вы думаете, продавщица, зарабатывающая 1300 евро нетто в месяц в течение 20 лет в бутике San Marina, когда лавочка закрывается, а?... Я подсчитал, в данном случае – это 7 583 евро. Достаточно для того, чтобы начать новую жизнь, а...»). Такие междометия, как *hum* и *hein*, расположенные в самом конце предложений, а также метафора с применением вульгаризма «*la boîte se casse la gueule, hum?*» имитируют неформальный стиль общения, сближая автора статьи с потенциальным читателем.

В следующем примере автор прибегает к *тактике приглашения к совместно размышлению*, используя вопросоответный ход. Сначала ставится риторический вопрос «*...comment faire pour empêcher cette consommation du jetable qui enlaidit nos corps et met à la rue nos voisins et voisines devenus chômeurs?*» («...как предотвратить потребление одноразовых товаров, которые уродуют наши тела и выбрасывают на улицу наших соседей, оставшихся без работы?») с вплетением эмоционально окрашенной лексики: *enlaidir* ('уродовать') и *mettre à la rue* ('выбрасывать на улицу'). Далее следует категоричный ответ: «*La réponse est que c'est bien entendu impossible dans notre société de consommation de masse*» («Ответ таков, что это, конечно, невозможно в нашем обществе массового потребления»).

Конечный фрагмент дополняет такой коммуникативный ход, как *ироническое побуждение*, а также риторический вопрос, разговорный стиль высказывания и паронимазия «*consommer et consumer*»: «*D'ailleurs, consommer et consumer n'ont-ils pas la même racine étymologique? Allez, bon shopping, a tutti, et rendez-vous en enfer*» («К тому же у слов «потреблять» и «истреблять» один и тот же этимологический корень, не так ли? Давайте, удачных всем покупок, и до встречи в аду»).

В следующем примере автор статьи, в рамках реализации данной тактики, имитируя устное непосредственное общение с читателем, цепочкой встроенных в повествование наводящих вопросов («*Pourquoi?*», «*tout ça pourquoi?*») и конструкций мониторинга мысли («*accrochez vous*»), подводит к принятию своей установки. Создать эффект непринужденного общения также способствуют такие свойственные разговорной речи слова, как *bon, voilà*. В самом заголовке декларируется категоричная позиция автора, которая затем поэтапно аргументируется: «*Elisabeth n'est pas l'avenir de la femme*» («Элизабет – не будущее женщины»).

Далее вводятся рассуждения автора, который последовательно даёт ответ на вопрос, почему женщины на самом деле в большей степени проиграют в результате введения пенсионной реформы: «*...lorsqu'on les interroge, les Françaises sont encore plus nombreuses que les Français à rejeter la réforme des retraites. Pourquoi? À cause de l'âge légal, bien sûr. Jusqu'à présent, les mères ont droit deux années de cotisation par enfant mis au monde dans le pays des droits de l'homme*» («...согласно опросам, француженки намного чаще выступают против пенсионной реформы, чем французы. Почему? Из-за установленного законом возраста выхода на пенсию, конечно. До настоящего момента, матери имели право на получение в течение двух лет взносов на каждого ребенка, родившегося в стране-защитнице прав человека). Перифраз *le pays des droits de l'homme* ('страна-защитница прав человека') используется в ироничной форме и становится своего рода намёком на то, что реформа противоречит демократическим ценностям, а

также создаёт контраст между предполагаемым и действительным положением дел в стране.

Затем автор сопровождает свои примеры конкретными именами и фактами и, прибегая к *иронической благодарности*, рисует максимально приближённую картину реальности: «*Prenons l'exemple de Ségolène et Francois, qui ont tous deux commencé à travailler à 24 ans. Avant la réforme, ils devait travailler 42 ans <...> puisqu'elle a eu quatre enfants, Ségolène pouvait alors partir à 56 ans. Désormais, «grâce à Elisabeth, ce ne sera plus possible.*» («Возьмём пример Сеголен и Франсуа, которые начали работать в возрасте 24 лет. До реформы они должны были работать 42 г. <...> раньше, имея четверых детей, Сеголен могла выйти на пенсию в 56 лет. Отныне, «благодаря Элизабет, это будет невозможно»).

Далее автор даёт оценку проводимой Борн реформе и, используя целый ряд отрицательных конструкций, в том числе лексическую гиперболу *rien de rien* ('абсолютно ничего'), подчёркивает её несбалансированность и несправедливость по отношению к женщинам: «*La réforme Borne ne change rien pour François, rien de rien. Mais Ségolène devra travailler au moins jusqu'à 64 ans: elle prend six ans de travail en plus dans la tronche*» («Реформа Борн ничего не меняет для Франсуа, абсолютно ничего. А вот Сеголен придется работать как минимум до 64 лет: ей в морду бросили ещё шесть лет работы»). Употребление разговорного слова *tronche* ('морда') способствует усилению экспрессивности речи и выражает резко негативное отношение к проводимым изменениям. В конце фрагмента следует оценочное умозаключение: «*Heureusement que nous avons une femme Première ministre qui mène une réforme juste et progressiste!*» («К счастью, у нас есть женщина-премьер-министр, которая проводит справедливые и прогрессивные реформы!»). Передать авторскую иронию позволяет организация высказывания в форме риторического восклицания и употребление антифразиса «*une réforme juste et progressiste*», который представляет собой

отсылку на политический плакат партии Renaissance «*Une réforme de progrès!*».

В следующем фрагменте дискредитация Эммануэля Макрона становится возможной благодаря использованию **тактики подведения к основной мысли**, которая прослеживается в ироничной форме организации высказывания. Как показало наше исследование, данная косвенная тактика, в отличие от большинства остальных, охватывает довольно большие текстовые фрагменты и чаще всего используется в комбинации с рядом других тактик. Так, в ходе рассуждений автора статьи слова президента ввиду его бездействия ставятся под сомнение, а позитивный исход заранее обречён на провал: «...*disponibilité totale qui n'a bien sûr jamais existé. Mais il ne s'agit surtout pas pour lui de mettre fin à cette absurdité*» («...полная доступность, которой, конечно, никогда не существовало... Но он и не собирается положить конец этой нелепости»). Данный эффект усиливают отрицательные и оценочные конструкции, а также эмоционально окрашенное слово *absurdité* ('абсурд', 'нелепость').

Тактический приём наведения негативных смыслов прослеживается в самой финальной части статьи, где безразличие и добровольное невежество президента акцентируется посредством использования отрицательных конструкций. В частности, сам подзаголовок носит название «*Il ne peut pas comprendre*» («Он не в состоянии понять»), а рассуждения автора начинаются следующим предложением: «*Mais, tout cela, Macron ne le sait pas...*» («Но всего этого Макрон не знает...»). Далее автором разворачивается **тактика «зацепки» за прецедентный текст**, в качестве которой выступает высказывание известного французского экономиста, писателя и журналиста «Charlie Hebdo» Бернара Мориса: «...*seules important nos représentations, nos croyances*» («...важны только наши представления, наши убеждения»). Данное высказывание преподносится как лейтмотив всей политической деятельности Эммануэля Макрона.

Финальная часть статьи организована при помощи косвенной **тактики приглашения к совместному размышлению**, которая реализуется при помощи целого ряда вопросов: «*Quand vous pensez à l'économie, quelle image apparaît dans votre tête? Germinal et la lutte des classes? Un monde naturel en péril? Le bonheur de voyager? Autre chose?*» («Когда вы думаете об экономике, какая картина возникает у вас в голове? Зародыш и классовая борьба? Мир природы под угрозой уничтожения? Счастье путешествовать? Что-то другое?»). Данный тактический приём позволяет читателю отвлечься и поразмышлять на заданную тему, прежде чем автор вынесет свой финальный «приговор» в виде развёрнутой метафоры: «*Dans la tête d'Emmanuel Macron, la Terre est une planète sur laquelle gambadent librement des entrepreneurs seuls créateurs de richesses, créateurs du futur...*» («В голове Эммануэля Макрона Земля – это планета, на которой свободно резвятся предприниматели, единственные творцы богатства, творцы будущего...»). Эмоциональный контраст данного высказывания усиливается глаголом *gambader* ('резвиться' – чаще всего используется в контекстах, связанных с детьми) и лексическим повтором существительного *créateurs* ('творцы'). Таким образом, автор рисует удручающую реальность макроновского режима.

Проанализировав приведённые выше контексты, мы определили, что наибольшей продуктивностью обладают следующие косвенные тактики дискредитации: ловушка на противоречиях, выхватывание фактиков и дискредитирующее побуждение. Полученные статистические данные оформим в виде гистограммы:

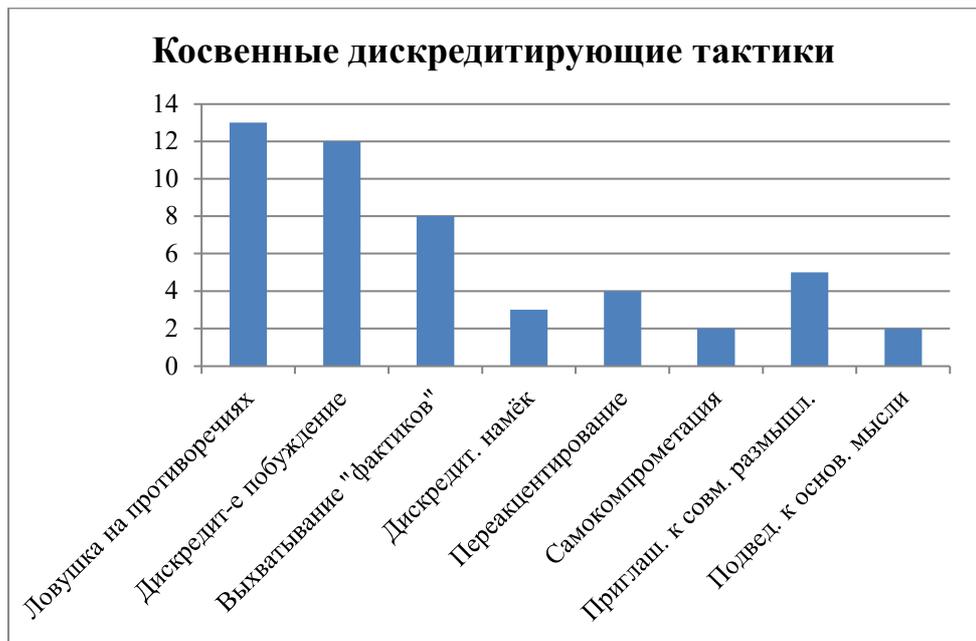

Рис. 7. Косвенные дискредитирующие тактики в журнале «Charlie Hebdo»

Наряду с лексико-фразеологическими языковыми средствами, косвенные тактики дискредитации реализуются с помощью большого количества синтаксических приёмов. Среди звуковых средств создания выразительности выделяются ассонанс и эвфония (по 2 случая употребления), а также графические способы передачи интонации.

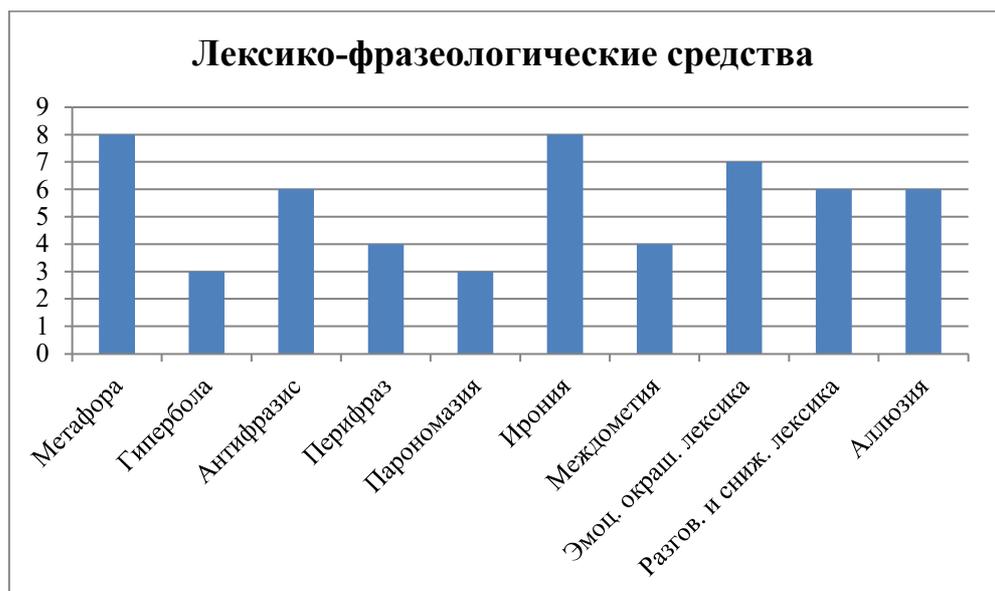

Рис. 8. Лексико-фразеологические средства реализации косвенных дискредитирующих тактик в журнале «Charlie Hebdo»

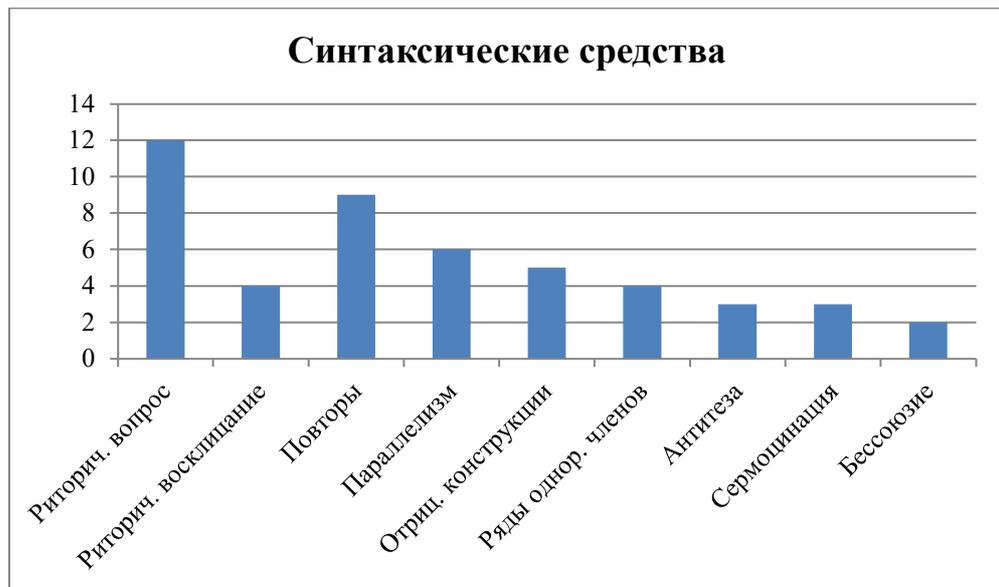

Рис. 9. Синтаксические средства реализации косвенных дискредитирующих тактик в журнале «Charlie Hebdo»

Выводы по главе 2

В рамках практической части исследования нами было проанализировано 156 текстовых фрагментов, извлечённых из 112 аналитических статей, опубликованных в печатной версии журнала «Charlie Hebdo» и на официальном сайте издания. В ходе исследования мы выявили 50 случаев употребления универсальных дискредитирующих тактических схем, 88 случаев употребления прямых тактик и 49 случаев употребления косвенных дискредитирующих тактик, направленных на политических деятелей разного порядка: от президента Франции Эммануэля Макрона и премьер-министра Элизабет Борн до депутатов и представителей локальных министерств.

Мы определили, что универсальные тактики дискредитации в журнале развиваются, как правило, в рамках больших текстовых фрагментов и комбинируются с рядом других тактик. Самыми продуктивными универсальными тактиками оказываются тактика доказательного умаления авторитета (16 случаев употребления) и тактика превращения нейтральных контекстов в дискредитирующие (9 случаев употребления). Нами также были

выявлены две разновидности универсальных тактик: доказательная тактика обличения лжи и сопоставительная тактика, строящаяся по схеме «Один стоит другого». Реализация универсальных дискредитирующих тактических схем осуществляется за счёт использования таких лексико-фразеологических и синтаксических средств, как метафоры, гиперболы, ирония, эмоционально окрашенная и разговорная лексика, риторические вопросы и восклицания, эллипсы, а также употребления большого количества отрицательных конструкций на небольшом текстовом отрезке.

Прямые тактики дискредитации являются наиболее употребимыми в журнале (88 случаев употребления). Среди них наибольшую продуктивность показали такие разновидности прямых тактик эмоционального воздействия, как тактика создания образа «тёмного будущего/настоящего/прошлого» (17 случаев употребления) и тактика разоблачения (14 случаев употребления). Данные тактики воздействуют на эмоциональное состояние адресата за счёт конвергенции – применения большого количества экспрессивной, оценочной и сниженной лексики, а также таких языковых средств, как метафора, антифразис, ирония, риторические вопросы и восклицания, параллелизм, ряды однородных членов предложения.

Косвенные дискредитирующие тактики показывают наименьшую продуктивность (49 контекстов) и чаще всего выступают в качестве вспомогательных в рамках более масштабных тактик. Чаще всего авторы дискредитирующих текстов прибегают к использованию косвенных тактик под названием «ловушка на противоречиях» (13 случаев употребления) и «дискредитирующее побуждение» (12 случаев употребления). В ходе реализации данного типа тактик наиболее употребимы такие лексико-фразеологические средства, как метафора, аллюзия, ирония, перифраз. Наряду с этим, развитию косвенных тактик дискредитации способствует применение большого количества синтаксических приёмов, в частности, риторические вопросы и восклицания, повторы, сермоцинация, параллелизм, отрицательные конструкции, ряды однородных членов предложения.

Заключение

В соответствии с поставленными целями и задачами исследования, в теоретической части данной работы нами были рассмотрены основные свойства политического медиадискурса как гибридного явления. В ходе исследования было установлено, что политический дискурс СМИ обладает собственными механизмами влияния и рычагами давления на аудиторию, поскольку транслирует политико-идеологические постулаты и формирует точку зрения относительно личности политиков и их профессиональной деятельности. Вбирая в себя черты политического и медийного дискурса, данный тип дискурса производится журналистами и функционирует в рамках установленных СМИ правил. В связи с этим можно говорить о первичности медийного дискурса над дискурсом политическим.

Основные механизмы и способы речевого воздействия, используемые в политическом медиадискурсе для умаления авторитета объекта дискредитации, оказывают влияние на читательскую аудиторию и способствуют осуществлению глобального стратегического замысла. Тактики дискредитации и коммуникативные ходы, являясь более частными речевыми действиями, способствуют реализации основной конфронтационной стратегии дискредитации и способны комбинироваться друг с другом в зависимости от конкретных целей дискредитации.

В общей сложности во французском журнале «Charlie Hebdo» нами было выявлено 187 случаев употребления тактик дискредитации политических деятелей (50 универсальных, 88 прямых и 49 косвенных). Наибольшую продуктивность показали прямая тактика создания образа «тёмного настоящего» и её разновидности (17 случаев употребления), а также прямая тактика разоблачения (14 случаев употребления), универсальная тактика доказательного умаления авторитета (16 случаев употребления) и косвенная тактика «ловушка на противоречиях» (13 случаев употребления). Анализ эмпирического материала убедительно показывает,

что в политическом медиадискурсе тактические схемы часто переплетаются и образуют гибридные формы реализации.

Как показало исследование, универсальные дискредитирующие тактические схемы в большей степени разворачиваются за счёт применения метафор, гиперболы, междометий, иронии, эмоционально окрашенной и разговорной лексики, риторических вопросов, восклицаний, эллипсов и ассонанса. Имплементации прямых тактик дискредитации способствует употребление большого количества экспрессивной и инвективной лексики, метафор, антифразиса, иронии, риторических вопросов и восклицаний, параллельных и однородных конструкций. Косвенные дискредитирующие тактики реализуются при помощи обращения, в первую очередь, к синтаксическим возможностям языка (риторические вопросы и восклицания, повторы, параллелизм, сермоцинация, отрицательные конструкции, ряды однородных членов), а также за счёт использования большого количества метафор, аллюзий, иронии и перифраза.

Перспективным направлением для дальнейшего исследования считаем более подробное изучение дискредитирующего компонента визуальной составляющей журнала «Charlie Hebdo». Публикуемые в журнале текстовые материалы нередко сопровождаются иконографическими документами (в частности, карикатурами), которые нуждаются в комплексном анализе.

Список использованной литературы

1. Анкудинова Е. И. Манипулятивный потенциал стратегии дискредитации (на примере радиообращений Р. Лимбо) / Е. И. Анкудинова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 17 (232). – С. 23–26.
2. Аристова В. Н. Сатирическая пресса и ее воздействие на общественное сознание в современной Франции (на материале «Le Canard Enchaîné») / В. Н. Аристова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 104–117.
3. Аристова В. Н. Французские еженедельники «Charlie Hebdo» и «Le Canard Enchaîné»: лингвистические средства создания комического, тематическое поле и целевая аудитория / В. Н. Аристова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2019. – Т. 16, № 1. – С. 4–19.
4. Арсланова Е. Р. Функционирование дейксиса при реализации информационно-интерпретационной стратегии в немецкой политической речи / Е. Р. Арсланова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 17. – С. 18–25.
5. Баранов А. Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание) / А. Н. Баранов. – Москва : Знание, 1990. – 64 с.
6. Баранов А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56, № 1. – С. 11–21.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; ред.-сост. Ю. С. Степанов; пер. Ю. Н. Караулов. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 436 с.
8. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия : сборник статей / сост. В. М. Сергеев, П. Б. Паршин. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 91–97.

9. Богоявленская Ю. В. Стратегия дискредитации чужих во французском дискурсе социальных медиа / Ю. В. Богоявленская // Вопросы управления. – 2021. – № 5. – С. 5–21.

10. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И. Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры / отв. ред. Т. В. Матвеева. – Екатеринбург : АРГО, 1996. – С. 21–48.

11. Борисова И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И. Н. Борисова // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 81–97.

12. Бутахина Л. А. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Л. А. Бутахина, А. В. Филиппова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2012. – № 3. – С. 7–14.

13. Виноградова С. А. Политический медиадискурс как коммуникативное явление с манипулятивным потенциалом / С. А. Виноградова // Мир науки, культуры и образования. – 2010. – № 4-1 (23). – С. 45–47.

14. Габидуллина А. Р. Учебно-педагогический дискурс: категориальная структура и жанровое своеобразие : дис. ... д-ра филол. наук / А. Р. Габидуллина. – Донецк : [б. и.], 2009. – 422 с.

15. Гловинская М. Я. Убеждения, уверения и доказательства в русском языке / М. Я. Гловинская // Проблемы речевой коммуникации : Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. О. Б. Сиротинина. – Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2000. – С. 57–62.

16. Грайс П. Логика и речевое общение / П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 41–58.

17. Грушевская Т. М. Политический газетный дискурс (лингвопрагматический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук / Т. М. Грушевская. – Краснодар : [б. и.], 2002. – 256 с.

18. Гунькова Д. Е. Стратегия дискредитации как доминанта дискурсивной личности американского политического радиокомментатора / Д. Е. Гунькова // Дискурс. – 2020. – Т. 6, № 6. – С. 113–125.
19. Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 270–275.
20. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
21. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереотипное. – Москва : Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
22. Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой информации : [учеб. пособие] / Т. Г. Добросклонская. – Москва : КДУ, 2012. – 116 с.
23. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Татьяна Добросклонская. – [б. м.] : [б. и.], 2020. – 180 с.
24. Домышева С. А. Политический дискурс vs дискурс реагирования: оценка политика как «человека неискреннего» в средствах массовой информации / С. А. Домышева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 22. – С. 41–44.
25. Егорова Э. Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) / Э. Н. Егорова // Язык и текст. – 2015. – Т. 2, № 3. – С. 69–75.
26. Засурский Я. Н. Медиатекст в контексте конвергенции / Я. Н. Засурский // Язык современной публицистики : сборник статей / сост. Г. Я. Солганик. – 3-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – С. 7–11.
27. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд. 5-е. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
28. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 224 с.

29. Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. – 2-е изд., испр. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2008. – 352 с.

30. Казак М. Ю. Современный медиатекст: проблемы идентификации, делимитации, типологии // Медиалингвистика. 2014. – Вып. 1. – С. 65–76.

31. Калинин К. Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. Е. Калинин. – Нижний Новгород : [б. и.], 2009. – 20 с.

32. Карасик В. И. Язык социального статуса // Москва : Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

33. Карякин А. В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии / А. В. Карякин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2009. – № 2 (10). – С. 163–167.

34. Кузьмина Н. А. Современный медиатекст : учеб. пособие / Н. А. Кузьмина. – Омск : Полиграфический центр «Татьяна», 2011. – 413 с.

35. Лабутина В. В. Речевая стратегия дискредитации в дискурсивной практике комментария сетевого медиаконтента / В. В. Лабутина // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – № 4 (34). – С. 145–148.

36. Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика : сборник научных трудов / Ю. И. Левин. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 824 с.

37. Лисихина М. А. Опыт типологии макро-речевых актов дискредитации / М. А. Лисихина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 80. – С. 219–225.

38. Лобанова Т. Н. Дискредитация как дискурсивная стратегия в китайском политическом медиадискурсе / Т. Н. Лобанова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2016. – № 2. – С. 8.

39. Лобанова Т. Н. Язык китайского политического медиадискурса: язык постправды и идеологическое конструирование / Т. Н. Лобанова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2019. – № 1 (25). – С. 44–61.

40. Мариупольский А. А. Проблема определения термина «политический дискурс» / А. А. Мариупольский // Тоталитаризм и тоталитарное сознание : [статьи по материалам 18-й региональной ежегодной научно-практической конференции, 16 апреля 2016 г.] / под ред. В. С. Шутова. – Томск : [Кит], 2016. – Вып. 14. – С. 70–74.

41. Монне Т. А. Медиадискурс как инструмент политики / Т. А. Монне // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – № 2. – С. 245–253.

42. Никулина Д. Е. Политический медиа дискурс и его особенности / Д. Е. Никулина // Современный ученый. – 2017. – № 5. – С. 63–66.

43. Перельгут Н. М. О структуре понятия «политический дискурс» / Н. М. Перельгут, Е. Б. Сухоцкая // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 35–41.

44. Перепелица М. С. Язык СМИ как объект исследования медиалингвистики / М. С. Перепелица // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2013. – № 4-2. – С. 169–174.

45. Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования / С. Н. Плотникова // Политический дискурс в России : Материалы постоянно действующего семинара / Под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. – Вып. 8. – Москва : МАКС Пресс, 2005. – С. 22–26.

46. Поздеева Т. В. Субъектно-адресные отношения в политической газетной коммуникации: сущность, корреляция, языковые маркеры // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведения. – 2011. – № 1. – С. 144–148.

47. Почепцов Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики / Г. Г. Почепцов (мл.). – Киев : Вища школа, 1987. – 131 с.
48. Ресутова Э. И. Общественно-политическая лексика как структурная единица политического газетного дискурса / Э. И. Ресутова // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2019. – № 7. – С. 34–38.
49. Ровинская Т. Л. Механизмы участия средств массовой информации в экологической политике / Т. Л. Ровинская // Политическая наука. – 2010. – № 2. – С. 177–202.
50. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева. – Екатеринбург : УрГПУ, 2004. – 294 с.
51. Руженцева Н. Б. Методология и методики анализа массмедийного политического текста / Н. Б. Руженцева. – Екатеринбург : УрГПУ, 2018. – 208 с.
52. Рясина М. А. Стратегии политического медиа-дискурса (на материале электронных СМИ ФРГ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Рясина. – Самара : [б. и.], 2013. – 24 с.
53. Саттаров Б. К. Лингвистика текста. Текст по лингвистике / Б. К. Саттаров. – Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2020. – 237 с.
54. Серио П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / [сост. П. Серио] ; предисл. Ю. С. Степанова. – Москва : Прогресс, 1999. – С. 12–53.
55. Сивораक्षा М. А. Дискредитация как разновидность конфликтного общения / М. А. Сивораक्षा // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 18, № 44. – С. 452–457.

56. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – Санкт-Петербург : Издательство Михайлова В. А., 2002. – 383 с.
57. Солганик Г. Я. Язык СМИ на современном этапе / Г. Я. Солганик // Мир русского слова. – 2010. – № 2. – С. 21–24.
58. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж : [б. и.], 2001. – 252 с.
59. Сулина О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 217–222.
60. Сухих Д. А. Комическое как составляющая аргументации в дискурсе научно-популярного метражного фильма / Д. А. Сухих, В. Е. Горшкова, А. Ф. Фефелов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 18, № 3. – С. 59–77.
61. Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л. Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 46–50.
62. Хабекирова З. С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции / З. С. Хабекирова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 2. – С. 138–144.
63. Харламова Ю. О. СМИ как инструмент реализации государственной политики / Ю. О. Харламова // Власть. – 2012. – № 8. – С. 41–45.
64. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В. Е. Чернявская. – Москва : ФЛИНТА, 2013. – 208 с.
65. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.

66. Шейгал Е. И. Язык СМИ и политика в семиотическом аспекте / Е. И. Шейгал // Язык СМИ и политика : [сборник статей] / под ред. Г. Я. Солганика. – Москва : МГУ, 2012. – С. 129–161.

67. Ширяева Т. А. Стратегия дискредитации в дискурсе современных британских парламентских дебатов / Т. А. Ширяева, Ю. А. Черноусова, Л. И. Триус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7-3 (61). – С. 180–184.

68. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press / R. Fowler. – London : Routledge, 1991. – 254 p.

69. Harris Z. Discourse Analysis / Z. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28, no. 1. – P. 3–26.

70. Lakoff R. T. Persuasive Discourse and Ordinary Conversation, with Examples of Advertising / R. T. Lakoff // Tannen D. (Ed.) Analyzing Discourse: Text and Talk. – Georgetown University Press, 1982. – P. 25–42.

71. Larson Ch. U. Persuasion: Reception and Responsibility / Charles U. Larson. – Belmont, CA : Wadsworth Publishing Company, 1995. – P. 15–22.

Словари

72. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

73. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., дополненное. – Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

74. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – Москва : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.